

Эрин Хэй

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я ТЕБЕ ОБЪЯВЛЯЮ
ВОЙНУ!

Эрин Хэй

Я тебе объявляю войну!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67480005

SelfPub; 2023

Аннотация

Я не верю ни в Бога, ни в Дьявола, но ее называю Ангелом. И когда я понял, что люблю ее, то уже ничего нельзя было исправить. Но когда-нибудь я найду способ искупить свою вину. Мой брат исчез, набрав долгов и оставив меня на растерзание кредиторам. Оставив меня на растерзание Ему! Он монстр. Он мой оживший ночной кошмар. Он зверь в человеческом обличье. Я ненавижу его всем сердцем и не верю в его любовь: слишком долго я была игрушкой в его руках, прежде чем смогла вырваться. По горькой иронии, он единственный, кто не предал меня и защитил от всего мира.

Эрин Хэй

Я тебе объявляю войну!

Пролог

В полумраке комнаты, освещенной лишь одиноким светильником, слышались шлепки голых тел, мужское сдавленное рычание и мои всхлипывания. Мужчина, навалился на меня всем телом, стискивая одной ладонью мои запястья, заведенные над головой, а другой зажимая мой рот, не замечая, как я вцепилась в его руку зубами так, что прокусила ее. Крепко прижимаясь подбородком к моему виску, он ритмично двигался между моих бедер, причиняя невозможную боль.

– Бля! Охереть! Целка! – грубо выругался он над ухом, выгнулся от наслаждения и хрипло застонал, продолжая вбиваться в мое распростертое тело.

Перестав зажимать рот рукой, он обхватил мою нижнюю челюсть и впился в губы, протискивая внутрь свой скользкий язык. Меня затошнило от отвращения, и я укусила его. Зашипев сквозь зубы, он отпрянул от меня, врезав ладонью по лицу.

– Вот дрянь! – рявкнул он. – Хочешь, чтоб я отдал тебя своим парням, как закончу с тобой? Могу устроить!

Моя голова мотнулась, и я зарыдала в голос. Волосы облепили мокрое лицо, и он грубым движением убрал их со лба.

Затем провел языком по ударенной щеке от уголка рта до виска, вызывая во мне рвотный спазм. Зло усмехнулся, заметив это, не переставая двигаться во мне. Намотав на кулак волосы, оттянул мою голову, заставляя выгибаться, и припал к шее, засасывая и прикусывая кожу, болезненными поцелуями спустился к груди, видневшейся из разорванного лифа, некогда прекрасного платья. Отпустил мои руки, держать их уже не было смысла, мое сопротивление растаяло, следом отпустил и волосы. Оперся одной рукой, согнутой в локте, на диван, возле моего лица, а второй сильно сжал грудь и оттянул сосок, перекатывая его между пальцами, вырывая из моего горла короткий крик. Я уперлась ладонями ему в плечи, не знаю, на что я надеялась. Легко сбив мои руки, он опять впился пальцами в мои щеки, заставляя зубы разжаться.

– Без глупостей, – предупредил он и снова поцеловал, проскальзывая языком в рот. Целовал он долго, в такт движениям, пока я не начала задыхаться, только тогда он прервал поцелуй, давая мне отдышаться. Я уже перестала его отталкивать, смиренно принимая все, что он уготовил мне, и только тихие злые слезы катились по лицу, а он собирал их губами. Была в этом какая-то извращенная нежность зверя к обреченной жертве.

Не знаю, сколько времени он терзал мое тело, как, наконец, его движения стали резче и грубее, а рычание громче. Низ живота онемел, а он закинул мои ноги себе на плечи, чтобы вбиться еще глубже, и кончить со звериным рыком.

– Бля! – ублюдок снова выругался. – Кайф!

Он повалился на меня, тяжело дыша, целуя лицо, вытирая слезы большими пальцами. От омерзения меня передернуло, и я отвернулась. Ему это не понравилось, и он с силой повернул мою голову в свою сторону, впившись пальцами в многострадальную челюсть.

– Не отворачивайся, дрянь! – прошипел мне в лицо. – Смотри в глаза! Тебе придется часто лицезреть меня теперь. Пока твой братец не рассчитается с долгом.

Мужчина встал, осмотрел себя, и, скривившись, брезгливо вытер перепачканный член об подол моего платья. Подтянул приспущенные брюки, заправляя внутрь рубашку, и застегнул ширинку. Долгое время разглядывал меня, что-то обдумывая, а затем достал телефон и сфотографировал.

– Отправлю твоему братцу, пусть порадует, что проценты ему списались, – он противно осклабился. Бросил мне свой пиджак и скомандовал: – Прикройся!

Пока я, рыдая, съежившись на диване, пыталась непослушными пальцами расправить то, что осталось от платья и прикрыться его пиджаком, он открыл дверь и велел своим людям заходить.

– Эту отвезти ко мне! – скомандовал он.

И я заорала, едва увидев мощные темные фигуры, двинувшиеся в мою сторону. Резко бросилась в сторону, надеясь прорваться к двери, но сильные руки перехватили меня, и я затрепыхалась в них, как бабочка на острие иглы.

Глава 1

Меня привезли с мешком на голове и бросили в подвал. Я поняла это, потому что пришлось спускаться по лестнице. На последних ступенях я споткнулась и упала с громким криком, разодрав колени и ладони. Грубая рука подняла меня за шкурку как котенка и толкнула вперед. Втолкнув в помещение, с меня сдернули мешок и оставили одну. Я огляделась, поскольку мне оставили свет.

«Какой гуманизм!» – я чуть не расхохоталась в голос, кажется, я была близка к истерике.

Здесь было прохладно, но сухо, даже имелся ремонт. Вероятно, комнату хотели как-то полезно использовать, но сейчас здесь было совершенно пусто. Я бросилась обратно к двери и замолотила по ней что есть сил:

– Немедленно выпустите меня! Вы не имеете права меня здесь удерживать! Меня будут искать! – кричала я, но все было бесполезно.

Не знаю как долго я орала. Я охрипла, сбила кулаки, прежде чем поняла всю тщетность своих попыток достучаться до совести удерживающих меня людей. Рыдая, сползла по двери на холодный пол. Меня била дрожь, между ног все горело, тянул низ живота, ныла челюсть, ударенная щека онемела. Я куталась в отданный пиджак, чтоб не замерзнуть, но ноги все равно заледенели. Пиджак пах им, моим мучителем, я вся пахла им, его запах стекал по бедрам. С горьким воем я сорвала его с себя, яростно стирая брендовой вещью следы

насилия, а потом отбросила так далеко, как смогла.

– Урод! Ублюдок! Чтоб ты сдох! – скулила я осипшим голосом, согнувшись пополам. – Ненавижу тебя! – Напряжение дало о себе знать тошнотой и меня вырвало желчью.

Не знаю, сколько времени я провела на холодном полу. Я замерзла и почти ничего не чувствовала, когда услышала за дверью резкие шаги. Я так ждала, когда меня выпустят, но сейчас меня обуял животный ужас. Я со страхом смотрела на дверь, в голове билась единственная мысль – где бы спрятаться. У меня не было сил встать, мое оледеневшее тело меня не слушалось, поэтому я, скуля от ужаса, медленно отползала вглубь комнаты. Когда дверь, наконец, с грохотом распахнулась, я уперлась спиной в стену.

В комнату вошел ОН. Тот, кого я больше никогда в жизни не хотела бы видеть, тот кого ненавижу всем сердцем! Легкой непринужденной походкой мой мучитель двинулся ко мне, каждый его шаг отдавался в моем сердце бешеным стуком. Заметив на полу отброшенный мною испорченный пиджак, он, усмехнувшись, отодвинул его носком начищенной до блеска обуви, словно это была ненужная тряпка. Я попыталась встать на трясущихся ногах, упираясь спиной и ладонями в стену, но неизменно сползала на пол. По мере его приближения я помимо воли отворачивалась от него. Наконец, он подошел так близко, что возвышался надо мной, просунув большие пальцы рук под ремень. К этому времени я окончательно оставила попытки подняться. Рыдания подка-

тывали к горлу, меня била крупная дрожь, и я, всхлипывая, отвернулась от него. Он присел передо мной на корточки и протянул руку. Я отшатнулась, но отползать было уже некуда. Крепкие пальцы ухватились за подбородок и заставили меня посмотреть на него опухшими от слез глазами.

– Ангелина, – произнес он, растягивая слова. – Ангел Лина. Ангел с обрезанными крыльями.

Я смотрела в его глаза цвета стали, в которых не было ни капли сожаления или сострадания. Неужели, когда-то я считала этого ублюдка привлекательным мужчиной?

– Отпусти меня, Марк, – прошептала я.

– Не могу, – покачал он головой. Я резко дернулась, зашипев. Это он дотронулся до ударенной щеки. – Шшш, тихо.

Легкими прикосновениями кончиков пальцев он откинул с моего лица волосы, и долго разглядывал, должно быть, зрелище было то еще.

– Перестарался, – резюмировал.

Что? Мне кажется, я ослышалась? Перестарался? Это все, что он может сказать? Тварь! Подонок!

– Не трогай меня, – говорю еле слышно, снова начинаю завывать, захлебываясь слезами.

Марк не обращает внимания на мое состояние, близкое к истерике, он разглядывает меня: голые ноги, задравшийся подол платья, обнаживший следы недавнего насилия, разорванный лиф, зареванное лицо – безусловно, я выгляжу жалко.

– Мы с тобой еще не закончили, – произносит он, наконец.
В ужасе смотрю на него:

– Не надо, пожалуйста, – рыдаю я, – я не выдержу. Не надо, – продолжаю его умолять, когда он хватает меня за руку и тянет вверх, телом прижимая к стене.

– Ты замерзла, – констатирует он, – тебе нужно согреться. – Увидев ужас в моих глазах, весело добавляет: – Я не это имел в виду. Я дам тебе время, – горячо шепчет на ухо, – сейчас ты приведешь себя в порядок, а потом тебя осмотрит врач.

– Врач? – переспрашиваю, не веря услышанному.

– Да, не хотелось бы так глупо потерять рычаг давления на твоего тупого братца. Ты будешь находиться здесь, пока он не вернет долг. А чтоб он не затягивал... – тут мужчина сделал многозначительную паузу, – я его простимулирую. Буду тебя трахать, – последние слова он говорит даже с нежностью, – о, как я буду тебя трахать! – мечтательным тоном закончил облюбок.

– Ты – подонок, – всхлипываю я, пытаюсь вырваться.

– Ты даже не представляешь какой! – смеется он, с легкостью преодолевая мое сопротивление, как и несколько часов назад.

Марк хочет поцеловать меня, но задевает больную щеку, и я вскрикиваю, тогда он остранивается.

Он находится слишком близко ко мне, его запах тела, смешанный с дорогим парфюмом, вызывает новый приступ

тошноты. Я как могу, гашу позывы к рвоте, боясь разозлить его.

Мой мучитель отвел меня наверх в одну из спален и оставил одну.

– Без глупостей, – напомнил Марк перед уходом.

Комната была небольшой, единственное окно оказалось зарешеченным, в углу стояла кровать, возле нее располагалась тумбочка, у противоположной стороны кресло с журнальным столиком, а при входе шкаф. В спальне имелась дополнительная дверь, открыв которую, я обнаружила санузел.

Я увидела свое отражение в зеркале возле ванной: бледное лицо, красные воспаленные глаза, всклокоченные волосы, разорванное платье, которое уже ничего не прикрывало. Зачем? Зачем я пришла к нему сегодня?! Сама пошла в логово зверя! Дура! Боже, какая же я дура! Дима предупреждал меня, чтоб я не смела к нему соваться. Знала же, какая слава о нем идет, но не верила. «Марк, он не такой! – говорила я Диме, – я все ему объясню, и он поймет!» Зачем брат с ним только связался?!

Господи! Как я терла свое тело! Я хотела содрать с себя кожу! Но сколько бы я, ни выливала на себя геля и ни стояла под горячим душем, ничего не могло смыть с моего тела его запах, а с души грязь, в которой он меня извечал.

Выйдя из душа, завернулась в халат, висевший на крючке рядом с полотенцем. Нижнего белья не было. Я прорыдала

до утра в кресле, опасаясь лечь в постель. И ненадолго забылась тревожным сном лишь с рассветом, скрючившись в неудобной позе. А утром пришел врач.

Глава 2

Не знаю, что доктор сказал Марку, но мой мучитель не заходил ко мне неделю. Врачом оказался немолодой мужчина, он молча осмотрел меня, затем, порывшись в своем портфеле, достал какие-то свечи, мази и таблетки. Долго объяснял, как применять препараты. Мне показалось, что в его взгляде промелькнуло сочувствие, но на все мои уговоры спасти меня или вызвать полицию, он никак не отреагировал.

Каждый день мне приносили еду, но я не могла съесть ни кусочка. Тошнота была настолько сильной, что я ела, когда тошнота от голода пересиливала тошноту от еды. Одежды никакой не было, кроме махрового халата, а из развлечений вид из окна в сад. Но меня и так ничего не интересовало, кроме одного: как смыть ненавистный запах с моей кожи. Гель для душа не помогал, и я даже подумывала облиться хлоркой, но ее просто не было в моей комнате, а выйти я не могла, поскольку дверь была постоянно закрыта. Каждый мой день был похож на предыдущий: едва встав с постели, я шла в душ, где мылась часами, пока подушечки пальцев не становились сморщенными. Затем следовала попытка впихнуть в себя немного еды, которая очень часто оканчивалась рвотой, остатки пищи смывались в унитаз. После этого я забиралась с ногами в кресло и апатично пялилась в стену.

Двадцать семь. Я видела двадцать семь мелких трещин на, казалось бы, идеально оштукатуренной и окрашенной стене. Я пересчитывала их много раз, трещин действительно было двадцать семь, ни больше, ни меньше. А потом мне снова мерещился запах...

К концу седьмого дня Марк решил вспомнить обо мне. Да и глупо было надеяться на обратное. Я по обыкновению сидела в кресле и гипнотизировала стену, когда дверь отворилась, и в комнату вошел бугай. Тот самый, кто тащил меня из офиса Марка в машину, привез сюда и запер в холодном подвале. Я вжалась в свое сиденье, безуспешно стараясь слиться с ним, затравленно наблюдая приближение громилы.

– Вставай! – пробасил он. – Марк Рудольфович велел привести тебя, – не дожидаясь от меня ответа, он ему и не был нужен, бугай вытряхнул меня из кресла, и, схватив за плечо, потащил к своему хозяину.

Громила грубо протащил меня по всему коридору второго этажа, спустил по лестнице и втолкнул в какую-то комнату, которая, судя по всему, являлась кабинетом моего мучителя. Я упала на пол, поскольку холуй Марка не стал церемониться, снова больно ударившись коленями. С пола обвела взглядом помещение. Вдоль левой стены расположились стеллажи с книгами, папками и прочим добром. У противоположной стены стоял большой кожаный диван. По центру находился стол, за которым восседал в огромном кресле мой ночной кошмар. Он вальяжно курил сигару – еще один запах

в копилку моих триггеров – потягивал коньяк и смотрел на меня.

– Тебе там удобно? – издевательским тоном поинтересовался он. – Если нет, можешь сесть на диван.

Нервно сглотнув слюну, я поспешила послушаться, неуклюже просеменив к кожаному монстру, и присев на самый край, сложила на коленях руки, крепко сцепив пальцы в замок. Марк не спешил, наслаждаясь сочетанием вкусов сигары и элитного алкоголя.

– Выглядишь отвратительно, – наконец, он нарушил молчание.

И это была чистая правда: красные глаза от слез, темные круги под ними из-за апатии и постоянного недосыпа, нечесанные волосы, сухая кожа, обгрызенные ногти. Против воли, от несправедливости и обиды по моему лицу побежали слезы. Меньше всего я думала о том, чтобы ему понравиться, и он не имел никакого морального права осуждать меня! Не после того, что он сделал!

– Не реви, – скривился он. – Сопли на кулак позже будешь наматывать.

Я закусила губу, чтобы снова не расплакаться, старалась совсем не дышать, купирая рыдания на самих подступах, чтобы не дать этой твари лишнего повода поглумиться надо мной.

– Такую даже в темноте трахать противно.

И все-таки я разревелась. Сидела перед ним на диване и

рыдала, спрятав лицо в ладонях, не смея покинуть кабинет, да и знала, что мне этого никто не позволит. Мой мучитель дал мне некоторое время выплеснуть горечь унижения в слезах. И когда я успокоилась, полностью обессилив, он сказал:

– Мы можем продолжать так, как начали в тот вечер, но, можешь мне не верить, трахать орущую и плачущую женщину не всегда бывает приятно. Можно иногда, но не постоянно. Нет, если ты настаиваешь, то остановимся на этом варианте. Но я предлагаю следующее: я трахаю тебя как хочу, где хочу и куда хочу, а ты терпишь, можешь даже пытаться получать удовольствие. Взамен я дам тебе относительную свободу перемещения по дому, саду. Тебе привезут твою одежду, косметику и все, что надо. Я даже разрешу тебе продолжить учёбу, возможно дистанционно... Тут я подумаю. Что скажешь?

– Отпусти меня, – говорю тихо, без всякой надежды.

– Понял, значит, первый вариант! – хмыкает подонок.

– Нет! – кажется, я вскрикнула. Я не выдержу еще одно насилие, я не смогу. Тело заныло при воспоминании о той адской боли. – Нет, я согласна.

– Отлично! Умная девочка, – он продолжает ухмыляться.

Он сказал, что разрешит мне учиться, сколько же он планирует держать меня у себя?

– Когда ты отпустишь меня, – решаюсь задать мучающий меня вопрос.

Марк лениво затягивается сигарой и выпускает дым в по-

ТОЛОК.

– Ты сама пришла ко мне в тот вечер, умолять за своего никчемного братца. Разодетая в шлюшачье платье. Я обещал тебе помочь и помогаю, – цинично скалится он.

Нет, все было не так, платье было красивым, но скромным. Возможно слишком легким даже для лета, поскольку разорвалось без особых усилий. И я всего лишь просила об отсрочке, о понимании, а он... Я не была похожа на шлюху, нет! Я всего лишь была красива. Красива, свежа, юна и наивна. Этого оказалось достаточно, чтоб зверь сбросил маску нормальности.

– Я отпущу тебя, когда Дима вернет деньги, – его голос прерывает мои воспоминания, – а набегающие проценты, буду ему периодически списывать, ты понимаешь как, – хмыкает он.

Я киваю. Я дура и обречена удовлетворять похоть этого чудовища в человеческом облики.

– Иди сюда, – командует он, и я иду, на негнущихся ногах, ступая босиком по дубовому паркету. – Сними это, – Марк указывает на халат, – и садись на стол.

«Это не я, это не со мной» – твержу про себя, и, механически развязывая пояс, стараюсь абстрагироваться от происходящего. В прошлом году мы с подругой ездили на море, как раньше говорили, дикарями. Это было потрясающе, и я постаралась оживить воспоминания.

Море, такое синее и бесконечное, сливающееся вдали с го-

ризонтом...

Он усадил меня на стол и развел мои ноги в стороны, ставя ступни на подлокотники кресла. Он смотрит. Туда.

Море... синее... бесконечное..., крики чаек...

На промежность опускается его рука. Средний палец проникает внутрь. Больно. Сухо. К нему присоединяется указательный. Я стискиваю зубы.

Марк свободной рукой тискает мою грудь, тянет и пощипывает соски, а потом дает мне легкую пощечину. Я охаю от неожиданности и хватаюсь за ударенную щеку.

– Расслабься, – цедит он.

Море... крики чаек... гудок парохода...

Плюет на пальцы и растирает их по моим складочкам. Приближает меня к себе, и я вскрикиваю от резкого и болезненного проникновения.

– Бля! Какая узкая!

Шум прибоя. Я слышу шелест волн о камни, крики чаек становятся все громче... Вдалеке на каменном утесе виднеется маяк. Представляю, как опустится ночь, и он зажжет свои огни. Они будут гореть, предупреждая корабли об опасных скалах.

Я сотрясаюсь под его толчками, изо всех сил опираясь об поверхность стола. Он тоже одной рукой опирается на стол, а второй держит меня за горло, облизывая и покусывая мои губы. Ускоряется, движения становятся хаотичными и более грубыми. Затем резко выходит из меня, грубо скидывает на

пол, я с грохотом падаю на колени, а он с рыком кончает мне на лицо. Удерживая за волосы, водит членом по губам, размазывая сперму.

– Открой рот, – приказывает Марк.

Я слушаюсь, и он вводит внутрь головку, выдавливая на язык остатки семени.

– Глотай! – и я послушно глотаю эту вязкую гадость. Он не спешит покидать мой рот, и я чувствую легкие подергивания члена на языке. Подонок долго стоит, прикрыв от наслаждения глаза. Наконец, его орган начал уменьшаться в размерах, и Марк отстранился.

– Хорошая шлюшка, – треплет меня по щеке, как собачку, отодвигает ящик стола и кидает мне пачку влажных салфеток, – вытрись и иди к себе. На сегодня ты свободна.

Сам в это время тоже приводит себя в порядок, поправляет рубашку, застегивает брюки.

Вернувшись в комнату, первым делом бегу в ванную и блюю, не знаю, как меня не стошнило в его кабинете. До блеска чищу зубы, но этот вкус не перебить ничем. Сколько бы я не умывалась, все еще чувствовала запах и стянутость на лице. Опускаюсь на керамогранитный пол и реву, прислонившись спиной к холодной стене. Я не смогу, не выдержу.

Глава 3

Мой мучитель сдержал слово: комнату перестали запираť уже накануне вечером, а днем привезли мои вещи: одежду, обувь, косметику. Как я успела понять, ублюдох во-

общее всегда выполнял обещания. В тот памятный вечер он заверил, что если не уйду, то уже очень скоро я пожалею о том, что пришла. Я не поверила, а он не соврал.

Я по-прежнему не могла даже смотреть на еду, несмотря на сильный голод. Меня все еще преследовал ЕГО запах на моем теле. За то недолгое время, что находилась здесь, я похудела как минимум на полтора размера. Это я поняла, примерив домашний костюм из гардероба, одежда обвисла на мне как на вешалке.

Мне больше не принесли ни завтрак, ни обед. Оно и понятно, согласно нашей договорённости, я могу свободно перемещаться по дому, а значит сама в состоянии найти кухню. Но я даже не вышла из комнаты.

Не знаю, что на меня повлияло, но сегодня, увидев незапертую дверь, а потом свои вещи, я немного воспряла духом, несмотря на случившееся накануне очередное насилие, как бы сам Марк это ни называл и какой бы договоренностью ни прикрывался.

Для начала, разобрала привезенные его громилами вещи, упакованные в коробки и беспорядочно сгруженные в середине комнаты. Рассортировала одежду, её было немного: несколько платьев, тёплый свитер, джинсы, пара домашних комплектов и белье. Из обуви несколько пар туфель, кроссовки. Не ожидала от его холуев столь ответственного подхода, думала сгребут не разбирая все, что под руку попадётся. А вот в коробке с косметикой меня ждал сюрприз.

Помимо брошенных как попало кремов, лосьонов, шампуней, кисточек, теней, туши, помады и прочего, я увижу это! Грим! Профессиональный актёрский грим для игры в студенческом драмкружке, в котором я состою уже три года!

Я злобно расхохоталась! Вот тупицы! Перепутать грим с косметикой! Если у Марка IQ не меньше ста тридцати (не смотря на свою ненависть, я признавала у него наличие глубокого ума), то у его охранников не больше девяноста на всех! Я понимала, что принижая людей Марка, я просто получаю эмоциональное удовлетворение, которое сразу же развееется, стоит мне только увидеть хоть одного из этих громил. Но сейчас это был мой способ не сойти с ума от страха и безысходности. Снова начала рассматривать коробку с гримом. Вот зачем он мне сейчас?! Я не знаю, как надолго здесь останусь, когда Марк меня наконец-то отпустит, если разрешит учиться, то позволит ли посещать этот кружок? Черт! Я начала рассуждать, будто на самом деле признаю за ним право решать это.

Внезапно на дне коробки мое внимание привлекла вещь, которая не могла оказаться здесь, в моем персональном аду: маленький плюшевый мишка – подарок Димки на мое пятилетие. Брат купил его мне на свою первую зарплату. В тот год наши родители разбились на машине незадолго до моего дня рождения, и Дима хотел хоть как-то меня порадовать. Ему пришлось бросить учебу в университете, чтобы работать и получить опекунство надо мной. А ему было тогда столько

же, сколько мне сейчас, но он уже взвалил на свои плечи заботу о маленькой девочке. Я тогда замкнулась в себе и ни с кем не разговаривала, но старший брат нашел ко мне подход. Все его действия, все его поступки нужно рассматривать только через призму любви ко мне. Голубоглазая, белокурая, я так и осталась его крошечным ангелочком, даже когда выросла. «Ангел Лина» – называл он меня неизменно на протяжении всех моих двадцати лет. «Ангел Лина» – так ублюбок повторил за моим братом, испачкав в грязи то светлое, что у меня еще оставалось.

Потапыч – это имя придумал Димка, и оно мне очень понравилось – был со мной везде: в садике, в гостях, дома – где бы я ни была, я засыпала только с ним. Я давно уже выросла, и он много лет пылился на полке, но как же здорово, что по счастливой случайности, мой мишка сейчас оказался у меня. Я вертела игрушку в руках, обнимала и целовала.

– Привет, Потапыч! – пропищала я тонким детским голоском, крепко прижимая его к себе.

– Привет, Лина! – я спародировала Димкин голос, когда он впервые принес его мне, разговаривая за медведя. – Отпусти меня, раздавишь!

– Ой, извини, – сказала я уже своим голосом, погладила медведя по спине и посадила в кресло. А потом представила, как сюда входит мой мучитель и видит эту детскую игрушку. Как начнет издеваться надо мной. Наверняка он скажет что-то наподобие «А это что за блядская хрень?!» А по-

том выбросит медведя в мусорное ведро или сожжет в камине, лишь бы причинить мне лишнюю боль. Я не видела, но уверена, в таком богатом доме есть камин. Подумав об этом, убрала игрушку поглубже в шкаф, завалив сверху вещами. Непонятно, кто догадался мне ее положить.

Ожидаемо, мне не передали ни телефона, ни ноутбука. Надо будет спросить у Марка, как бы мне не хотелось контактировать с ним вообще. Я села в кресло и обвела взглядом комнату. Все вещи были помещены в шкаф, а потому, казалось, что ничего не изменилось, и только пустые коробки, сложенные в углу, напоминали о новом этапе в наших взаимоотношениях с моим ожившим кошмаром.

При мысли о Марке, снова накатила тошнота. Удивительно, что когда-то он вызывал во мне совсем другие чувства. Я знала, что он – партнер Димы по бизнесу, который мой брат создавал с нуля. Ну как партнер, скорее инвестор. Нейманн Марк Рудольфович – высокий статный брюнет, ровесник Димы, успешный бизнесмен, сердцеед и самый завидный холостяк – иногда приезжал к нему в офис. О нем говорили разное: что нечист на руку, что сколотил капитал на крови, что имеет связи и в бандитских кругах, и в силовых структурах. Я не хотела в это верить, наверно была слегка влюблена в него, в этого серьезного, холодного, опасного и недоступного мужчину. Если бы я только знала, какой он ублюдок! У этого человека брат когда-то взял кредит на развитие собственного дела, и какое-то время бизнес шел неплохо. Нет, мы не

купались в деньгах, я училась на бюджете, а мы все так же жили в родительской трешке в спальном районе, и все деньги брат пускал в дело, но нам хватало и на жизнь, и на то, чтобы постепенно рассчитываться с долгом. А потом началась черная полоса, бизнес прогорел, денег не было совсем, начали поступать угрозы от кредиторов. Опасаясь за свою жизнь, брат бежал. Он хотел забрать меня с собой, но я отказалась. Черт знает, о чем я вообще думала?! А думала я о том, что такой красивый мужчина не может быть чудовищем...

Глава 4.

Добровольной узницей я просидела в комнате до глубокого вечера. Желудок беспокоил голодными спазмами уже несколько часов, но максимум на что я решилась – это подойти к двери и прислушаться. В коридоре было тихо. Я не знала, сколько людей постоянно обитают в этом доме. Из окна я видела, как охранники патрулируют территорию, но, сколько их находится внутри, я затруднялась предположить. Наконец, набравшись смелости, подкралась к двери и, чуть приотворив её, выглянула наружу. В коридоре было темно, но едва я сделала шаг, как темнота рассеялась: включились лампочки, реагирующие на движение. Настороженно осмотревшись по сторонам, на цыпочках поспешила к лестнице.

Перед тем как вступить на первую ступеньку, долго прислушивалась к звукам, царившим на первом этаже. Всё было тихо, и я осторожно спустилась, пристально всматриваясь в полумрак коридора первого этажа, имевшего тусклое

освещение. Едва сойдя с лестницы, беспрерывно оглядываясь, поспешила вперёд. Сердце бешено колотилось и грозило выпрыгнуть из груди. Я кралась, стараясь совсем не дышать. Кабинет Марка я обошла, тесно прижимаясь к противоположной стене.

Погрузившись в свои мысли, я не заметила, как подошла к открытому ярко освещенному пространству, которое оказалось огромной гостиной. Как я и предполагала, в гостиной имелся самый настоящий каменный камин, который летом, конечно же, не горел. Я долго стояла, не решаясь выйти из полумрака, пока желудок громко не заурчал от мучительного голода. Не помню, когда я в последний раз нормально ела, наверно еще до близкого знакомства с Марком.

Сделав глубокий вдох, я нырнула в свет, как пловец на глубину. Быстрым шагом пересекла гостиную и попала в кухню-столовую, которая так же, как коридор на втором этаже, осветилась автоматически, благодаря светильникам с датчиком движения. Еле уняв бешеное сердцебиение, подошла к огромному холодильнику. Там оказалось много наготовленной еды в контейнерах, я взяла один и быстренько разогрела, это оказалось мясо по-французски. Раньше я обожала его, но сейчас ела, почти не чувствуя вкуса. Достала из холодильника апельсиновый сок и налила в высокий стеклянный стакан.

– Приятного аппетита! – неожиданно услышала я за спиной приятный голос, и, вскрикнув от страха, уронила стакан. Он разбился, разлетевшись на мелкие осколки, а сок оран-

жевыми кляксами заляпал весь пол. – Ой, прости, не хотел тебя напугать!

Я обернулась и увидела незнакомого молодого мужчину лет двадцати пяти в форме охранника. Мужчина приветливо улыбался, но я никому не верила в этом доме. Я начала озираться в поисках путей отступления, но вошедший не подавал признаков агрессии.

– Ты – гостя Марка Рудольфовича? – спросил он.

– Ммм, – невнятно промычала я, отступая за стол и стараясь не наступить на осколки. Гостя, если можно так выразиться.

– А я – Макс!

– Угу, – кивнула я.

– Тебя ведь Ангелина зовут? – Макс продолжал приветливо улыбаться.

– Угу, – когда между нами оказался стол, я немного успокоилась.

– Приятно познакомиться! – парень просто лучился доброжелательностью.

– Угу, приятно, – выдавила я из себя.

– Ты немногословна, – какая поразительная наблюдательность!

– Угу, – обойдя стол, спиной отступаю к выходу из кухни.

– Ах! – парень смеется над очередным «угу». – Стой, ты же пришла поужинать, а я помешал тебе!

– Я уже все! – я не останусь здесь с ним одна!

– Не бойся меня!

«Ага, как же!» – продолжаю отступать в гостиную, борясь с искушением броситься бежать. Я не знаю, какие распоряжения относительно меня дал охране Марк. Вряд ли, конечно, он разрешил бы им причинить мне вред – сам с этим неплохо справляется – но после случившегося все мужчины вызывали во мне стойкое неприятие.

– Да стой же! Я не враг тебе! Я весь день ждал, когда ты спустишься! Увидел тебя через окно, и вот, я здесь, – Макс слишком настойчив, что невероятно пугает меня. – Это я собирал сегодня вещи для тебя! Это же твой любимый медведь?

– Что? Это ты? – сказать, что я удивлена, это ничего не сказать.

– Да, хотелось поддержать тебя морально, – он подошел ближе, и перешел на шепот, – мне не нравится, что делает Нейманн, он не имеет права удерживать тебя!

– Что? – я не верю своим ушам.

– Просто знай, что в этом доме у тебя есть как минимум один друг, – он сказал это совсем тихо, склонившись мне над ухом, а я в замешательстве не заметила, как подпустила его слишком близко.

– Как? – удивлённо лепечу я.

– Что как?

– Как ты понял? Ну, про медведя?

– Так ты с ним на всех детских фотографиях!

«Он рылся в моих фотографиях?» – промелькнула неприятная мысль.

– Не смотри так на меня, твои фотографии развешены по всей квартире! – парень принялся оправдываться, как будто прочитал мои мысли.

– Ах, – единственное, что я смогла из себя выдавить.

Видя, что он заставляет меня нервничать, Макс отошёл на некоторое расстояние.

– Извини, что так получилось. Ты ужинала, а я спугнул тебя. Идём на кухню, а то ты весь день просидела в своей комнате и ничего не ела.

– Я не хочу, правда, – я поняла, что после такого потрясения не смогу проглотить и кусочка.

– Но... – Макс не поверил и начал возражать.

– Правда, не хочу, – я развернулась и пошла к лестнице.

– Если тебе что-то понадобится, можешь попросить меня, – говорит он мне вслед.

– Хорошо, – говорю так, что он отвязался, я не верю и даже не оборачиваюсь.

– Я серьезно! Ты можешь попросить меня о чем угодно! – парень все никак не унимался.

– Да? – я оборачиваюсь, подозрительно прищулив глаза. – А если я попрошу помочь мне сбежать? – вижу, как парень смутился и замолчал. – Ага, вот то-то и оно!

Макс пытался что-то еще сказать мне, но я уже не слушала. Никому здесь не верю. Когда я была заперта и просила о

помощи, меня все игнорировали, а сейчас неожиданно друг нашёлся.

Проходя мимо кабинета Марка, обратила внимание на то, что дверь была приоткрыта. Кажется, когда я кралась здесь на цыпочках в прошлый раз, она была заперта. Как же я не хочу его видеть! Не знаю, есть ли в этом доме вторая лестница, наверно, стоит поискать. Только хотела уже повернуть назад, как из кабинета донесся его голос:

– Зайди, Лина!

Глава 5.

Моё сердце замерло, едва я услышала его глубокий голос, приказывающий мне войти к нему в кабинет, а затем пустилось галопом, так, что закружилась голова. Я прислонилась к стене и с трудом сглотнула ставшую неожиданно вязкой слюну. Ноги внезапно стали ватными, и я поняла, что не смогу сделать и шага.

– Мне долго тебя ждать? – в голосе начали прорезываться раздражительные нотки.

Сделав глубокий вдох, я заставила свои ноги оторваться от пола и вошла внутрь.

В кабинете, так же как и в коридоре, царил полумрак, в котором единственным источник света являлась настольная лампа. Едва я переступила порог, как меня вновь замутило от обрушившихся запахов и воспоминаний. Я даже породовалась, что почти ничего не съела на ужин.

Мой мучитель сидел в своём кресле за столом, как в нашу

последнюю встречу. Я не видела выражения его лица, оно было скрыто в полумраке, но вся его поза говорила о том, что передо мной очень уставший человек. Марк откинулся на спинку кресла, ослабил галстук и расстегнул пару верхних пуговиц на рубашке, руки покоились на подлокотниках, снятый пиджак аккуратно висел на спинке стула, придвинутого с противоположной стороны стола. Перед ним на столе стояла открытая бутылка виски и пустой тумблер.

– Закрой дверь и сядь, – кивнул он на диван. Когда я с безумно колотящимся сердцем робко сделала, как он сказал, мужчина резко спросил: – Где этот идиот, твой брат, Ангелина?

– Не знаю, – я ответила слишком быстро.

– И почему я тебе не верю? – он понял, что я вру. Вернее, он всегда это знал.

– Я, правда, не знаю, – я продолжала упорствовать.

Марк раздражённо прорычал и, взъерошив волосы, потянулся к виски.

– Врешь, Лина, – мужчина залпом опрокинул в себя налитый алкоголь, предназначенный для неспешного смакования, что выдавало в нем крайнюю степень раздосадованности.

Я вскинула голову:

– Прикажешь пытать меня? – не знаю, откуда взялась смелость, но я не предам Диму.

– Пытать? – Марк поморщился, отставляя опустевший

тумблер, и лёгкими движениями пригладил волосы. – Это было бы легко, это бы сразу решило все проблемы. С тобой даже не пришлось бы долго возиться, но... Попытки юных девушек не по моей части. Девушки, на мой взгляд, созданы для другого. – Я невесело хмыкнула, но мужчина не обратил на это внимания. – Твой тупой братец уже должен быть в курсе, что ты у меня, и что я с тобой делаю, но этот гребанный "Чип и Дейл" как-то не спешит к тебе на помощь.

Я поморщилась: Марк, такой серьёзный и успешный человек, никогда не стеснялся в выражениях, и иногда напминал отморозков из девяностых. Но в чем-то он был прав, я ждала каждый день, что старший брат спасёт меня, защитит, укроет, как обычно, как он делал всегда, но его все не было. «Где же ты, Дима? – спрашивала я себя. – Почему тебя так долго нет?»

– Интересно, если я отдам тебя охране, запишу видео их развлечений с тобой и отправлю ему? – продолжал рассуждать этот ублюдок. – Как быстро твой рыцарь без страха и упрёка примчится сюда?

По спине пробежал холодок, противно засосало под ложечкой, но я не подала вида, лишь вздернула подбородок:

– А с чего ты взял, что твои охранники захотят со мной развлекаться? Что ж ты их сразу в шакалы записываешь?

– Что?! – Марк явно не ожидал такого ответа, он даже подался вперёд в своём кресле, а в его глазах, сверкнувших в отблеске настольной лампы, мне показалось, вспыхнул инте-

рес. – У серой мышки прорезались зубки? Ха-ха! – Он снова откинулся на спинку кресла и коротко хохотнул. – Что ж, шакалы они или нет, обойдёмся без проверки.

– Это твой план, да? Держать меня здесь, насиловать, чтоб он бросился спасать меня, очертя голову? – Марк криво ухмыльнулся при моих словах, похоже, я попала в точку. Поначалу я думала, что он держит меня у себя в качестве залога, а оказалось, что я ему нужна как приманка. – Что ты сделаешь с ним, когда найдёшь? Убьёшь его?

– Ты задаёшь вопросы, на которые не хочешь знать ответы, поверь мне, – спокойно ответил Марк. – Но скажу тебе, убийство – крайняя мера, не выгодная никому.

«Ублюдок! Ты говоришь о моем брате!» – я хотела кричать, крушить, ломать, но не смела даже пошевелиться! Мне снова стало трудно дышать, мои мысли сбились в кучу, неужели в наше время можно вот так просто убить человека? Сейчас же не девяностые!

– Нельзя так просто избавиться от человека! Его будут искать!

– Да, что ты говоришь? Сколько ты здесь уже? Тебя кто-нибудь ищет? – с ходу парировал Марк.

– Еще прошло мало времени, – с надеждой говорю я.

– Почти две недели – достаточный срок, чтобы начать беспокоиться.

Мне нечего было возразить. Мы с Димой не были совсем одиноки. У нас имелись родственники и друзья, но никто

из них не обладал достаточной властью, чтоб противостоять Марку Нейманну.

– Тебе же нужны деньги? А если ты его убьешь, то как ты их вернёшь?

– Может, мне простить его? Отпустить с миром, денег на дорогу дать, чтоб другие должники решили, что могут не возвращать взятое?

– Тебе нужно показательно наказать его? – догадалась я, Нейманн оказался ещё хуже, чем о нем говорили. А может они все такие, мужчины, имеющие безграничную власть? – Дима предупреждал меня, что ты – чудовище, а я не поверила!

– Серьёзно? – Марк усмехнулся. – Ну и зря! Надо было слушать старшего брата, даже такой кретин иногда дает дельные советы. А насчёт насилия... Насилия никакого нет, ты здесь добровольно, не так ли?

– Мы оба знаем, что это не так, – тихо возразила я, хотя внутри меня все клокотало.

– Неужели? – мужчина изобразил удивление, но у него это плохо получилось. – А мне казалось, что мы договорились. Но раз я ошибаюсь...

– Нет! – поспешно вскрикнула я. Несмотря на обуявший меня вихрь эмоций, я испугалась последствий. – Я помню о договоре. Я... Да... Добровольно...

– Очень хорошо, что память так быстро вернулась к тебе, – кивнул Марк. – По поводу твоего брата. Возможно,

ради тебя этот идиот постарается найти деньги как можно быстрее, и тогда мне не придётся никого подвергать показательным репрессиям. Но даже если Дмитрий не найдёт в срок нужной суммы, я готов дать ему отсрочку, если ты меня попросишь. Если очень хорошо попросишь! Иди сюда, – сказал он, и, не дожидаясь моей реакции, похлопал по подлокотнику.

Я медленно приблизилась к нему и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Марк, не меняя своей позы, жадно разглядывал меня.

– Сними дерьмо, что на тебе надето, – в привычной для себя манере сказал он.

Я вздрогнула как от пощечины, это был мой любимый костюм, розового цвета, с маленьким мышонком на груди:

– Это обычный домашний костюм.

– Это очень дерьмовый домашний костюм, чтоб я тебя в нем больше не видел!

– Что же мне носить тогда?

– Платье, шпильки и прочее. Я хочу видеть в доме женщину, а не подростка. А теперь снимай! – Марк указал пальцем на домашний костюм. – Черт! Белье на тебе тоже такое же убудское! – высказался он, когда я преодолевая внутреннее сопротивление, сняла с себя пижаму и осталась в хлопковом нижнем белье. – Кто вообще носит такое?!

– Почему? – нервно сглатываю. – Почему ты так жесток со мной? Что я сделала тебе? Хотя, думаю, я знаю. Тебе просто

все это нравится, да?

Марк поморщился от моих слов, как от зубной боли, и потянулся к бутылке.

– Лина, ты вся напряжена – он протянул мне тумблер с виски, – тебе надо расслабиться, выпей.

– Я не буду.

– Это не было вопросом или предложением. Выпей.

– Я не пью алкоголь, – продолжала я отказываться от спиртного, – совсем.

– Я не спрашивал, что ты пьёшь, я сказал – пей.

Я опрокинула в себя виски и закашлялась, крепкий напиток обжег пищевод и выбил дыхание. Кажется, алкоголь ударил в голову, я пошатнулась, и чтоб не упасть, схватилась за стол. Марк тихо засмеялся.

– Иди сюда, – повторил он, и потянул меня на себя. Я упала к нему на колени. Он рывком стащил с меня бюстгальтер и накрыл одной ладонью грудь, а второй крепко прижал к себе. – Попроси меня, маленькая шлюшка, попроси за брата!

Я не знаю, что делать. Я не хочу быть его приманкой для собственного брата. Но и открыто противостоять ему не могу, иначе зверь вновь сбросит маску нормальности, она и так хлипко на нем держится. Я должна бежать!

Глава 6.

Вчера Марк, против обыкновения, не был груб. Даже когда поставил на колени между своих расставленных ног и потребовал, дословно, «обслужить его ртом». Несмотря на

краткий эпизод оральных ласк позавчера, для меня все это было в новинку. Должно быть, Марк реально очень устал тем вечером, мужчина не торопил меня, не бил по щекам, даже обошёлся без оскорблений, почти. Он просто откинулся в кресле и закрыл глаза, держа одну руку в моих волосах. Он поглаживал их, задавая моим действиям глубину и темп, сжимал пальцы в кулак в особо острый момент, не давая мне отстраниться. «Говорю один раз, а ты запоминаешь: глотаешь всегда» – процедил он тогда, выплескивая мне в рот свое семя. А потом я стояла перед ним на коленях, лёгкими прикосновениями языка лаская головку, пока этот извращенец отдыхал. Похоже, это у него что-то типо фетиша.

Впрочем, отдыхал он недолго. Подтянув меня, усадил сверху, лицом к себе. Я не была готова, но его член, смоченный моей слюной, вошёл в моё лоно, не встречая особого сопротивления. Марк подбрасывал меня на себе, пожирая глазами, его ладони жадно исследовали моё тело. А затем, видимо, мой темп ему показался недостаточным, и он перенёс меня на диван, по пути снимая с себя одежду. Кажется, вчера он впервые разделся со мною полностью. Мужчина крутил меня в разных позах. Я была сверху, снизу, сбоку. А в завершении, он развернул меня к себе спиной, толкнув грудью на спинку кожаного дивана, и кончил, резко и глубоко двигаясь во мне.

Потом, в ванной, я драила зубы до кровавых десен. Остервенело отскребала с себя жёсткой мочалкой въевшиеся запа-

хи: кубинских сигар, дорогого парфюма, элитного алкоголя и его тела.

Наверно, выпитый виски на голодный желудок все-таки подействовал на меня, и я уснула, не погружаясь в саморerefлексию.

Придерживаться режима питания – было ещё одним условием моего тюремщика. Поэтому, в девять часов утра я спустилась на кухню, надеясь, что Марк уже уехал. Оказывается, дом не был полностью необитаемым. Вчера я вышла из комнаты, когда уже опустились сумерки, и никого не застала, но сегодня по пути на кухню я встретила двух сотрудниц клининговой компании в возрасте лет сорока. Они убрались в комнатах и вежливо поздоровались со мной, когда я проходила мимо.

– Доброе утро, Ангелина Витальевна! – просияли они, едва заметив меня. – Выглядите отлично! Рады видеть, что вы поправились!

– Поправилась? – не поняла я. Сегодня я учла все пожелания моего мучителя: легкое шифоновое платье, босоножки пусть на устойчивом каблуке, а не на шпильке, но они отлично смотрелись на ногах, нанесла легкий дневной макияж, а волосы убрала в высокий конский хвост.

– Да, Марк Рудольфович сказал, что вы пережили сильный стресс, и теперь гостите у него, пока окончательно не восстановитесь.

– Марк сказал, что я его гостя? – зачем-то уточнила я.

Горничные переглянулись, и одна из них продолжила:

– Мы не лезем в личную жизнь наших клиентов.

– А если я скажу, что меня удерживают здесь силой и попрошу сообщить в полицию? – я должна была попытаться вырваться отсюда.

Женщина замялась, а затем сказала:

– Марк Рудольфович предупредил, что с вашей стороны возможны попытки к бегству, и на этот счет у нас есть четкие инструкции: позвонить ему и вашему лечащему доктору. Это для вашей же безопасности. Вы ещё не оправились от депрессии и можете навредить себе.

Так вот в чем дело! Вот почему никто не пришел ко мне на помощь, несмотря на мои крики, Марк просто выставил меня сумасшедшей!

– Скажите, Марк не сообщил причины моей депрессии? – не смогла я удержаться от вопроса.

– Ну как же! У вас пропал брат, а вам самой угрожают! Но послушайте меня, – говорила все та же женщина, – доверьтесь Марку Рудольфовичу, он поможет вам.

Не зря говорят, что ложь, замешанная на правде – самая страшная. Я хмыкнула: «Довериться этому психопату? Ну, уж нет!»

– Спасибо за совет, обязательно ему последую, – саркастично ответила я, а горничные лишь вздохнули с облегчением. Здесь мне не помогут.

На кухне было пусто. Если Марк и завтракает по утрам, то уже давно это сделал и уехал вести свой кровавый бизнес. В том, что его капитал сколочен на крови, я уже не сомневалась, судя по тому, какими методами он выбивает долги. Наверняка, я не первая, кого он привозит сюда.

Порывшись в холодильнике, достала контейнер с блинчиками, фаршированными грибами и сыром и разогрела. Оглядевшись по сторонам, заметила машину для варки кофе. Пока я пыталась понять с какой стороны подойти к кофеварке, на кухню кто-то вошёл.

– Доброе утро, Ангелина! – произнёс знакомый голос за спиной. Обернувшись, я увидела Макса. – Хочешь кофе? Давай покажу, как работает эта адская машина.

Я пожала плечами и, подняв вверх ладони, отошла от него подальше, внимательно наблюдая за его действиями.

Парень понажимал какие-то кнопки, и в воздухе поплыл аромат свежесваренного кофе. Через минуту он протянул мне наполненную чашку.

– Спасибо, – произнесла я, принимая у него кофе и стараясь не касаться его рук пальцами. Макс заметил это.

– Не бойся меня, – попросил он.

– Угу, – настороженно кивнула я.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь, – парень улыбнулся.

Я снова кивнула, села за стол, поставив перед собой тарелку с блинчиками и кофе, приступила к завтраку. С моей стороны было невежливо не предложить ему, но мне было

не до церемоний.

– Приятного аппетита, – аппетита я не чувствовала и вновь ограничилась кивком, исподлобья наблюдая за его действиями, и парень не выдержал: – Да что с тобой? Я просто пытаюсь быть любезным! Пойми, я не враг тебе!

Я повела плечами:

– Ты тоже считаешь, что я сумасшедшая?

– Что? Нет!

– Горничные, что убираются здесь, уверены, что я «того», – я покрутила пальцем у виска.

– Я уже говорил, что не одобряю действий Марка Рудольфовича, – парень выглядел удрученным.

На миг моё сердце наполнилось надеждой:

– Если это действительно так, пожалуйста, сообщи в полицию!

– Я не могу...

– Тогда, дай мне телефон, я сама позвоню и скажу, что меня силой здесь удерживают!

– Нет! Мне за это голову открутят!

– Ну, или просто оставь телефон здесь, якобы забыл, я по-тихому им воспользуюсь, – сказала я, уже ни на что не надеясь.

– Ангелина, ты просишь слишком многого!

– Значит, не говори, что ты мой друг, – мрачно заключила я.

– Ангелина, я бы с радостью помог тебе, но то, что ты про-

сишь – чистое самоубийство!

– Самоубийство – оставаться здесь!

– Босс, конечно, не прав, но твоей жизни здесь ничто не угрожает. – Макс попытался меня успокоить. – Может, ты хочешь кому-нибудь позвонить, сообщить, что с тобой все в порядке? Я бы мог тебе в этом помочь.

– Нет, – покачала я головой, так есть хоть какая-то вероятность, что рано или поздно меня начнут искать.

Макс сел за стол напротив меня, и я съежилась под его пристальным взглядом. С некоторых пор мне стало неприятно излишнее внимание мужчин, хотя раньше я это любила.

– Здесь есть домашний кинотеатр с богатой коллекцией фильмов на втором этаже, прямо по коридору до конца, и последняя дверь налево. На первом этаже библиотека, в подвале спортзал, в саду бассейн.

– Маловато для хозяина жизни, – горько заключила я.

– У него есть фамильный особняк, но он там редко бывает, – поделился информацией Макс.

– Почему?

– Точно не знаю, вроде как не ладил с родителями, особенно с отцом. Старика уже нет в живых, а Марк Рудольфович все его за что-то простить не может.

– За что? – мне не было интересно, спросила для поддержания разговора, да и врага надо знать.

– Какая-то тёмная история, я не в курсе, – ушёл от ответа Макс. – Он и в этом-то доме бывает нечасто, в основном жи-

вѣт в своём городском пентхаусе. Сюда зачастил, когда тебя привёз.

– Какая честь для меня! – я горько усмехнулась.

– Ты поела? – парень заметил, что я перестала терзать несчастные блины в попытках впихнуть в себя хоть кусочек, и поспешил предложить: – можем прогуляться по саду, там очень красиво.

В душу закрались тревожные подозрения:

– Не пойду, – помотала я головой, – там полно охраны.

– Ну и что, – удивился Макс, – тебя никто не тронет. Пойдём, погода прекрасная.

– Скажи, тебя приставили следить за мной? – по тому, как поспешно парень отвёл глаза, я поняла, что мои подозрения подтвердились.

– Ну, раз уж тебе все известно, – не стал отнекиваться Макс, – то нет смысла притворяться, пойдём уже!

Я посмотрела в окно. Оно выходило на летнюю террасу, и тот вид, что мне открылся, был действительно прекрасен. Можно оставаться в комнате, жалеть себя и реветь, а можно взять себя в руки и попытаться что-нибудь придумать.

Глава 7.

На меня смотрела худая осунувшаяся блондинка с тёмными кругами вокруг глаз на бледном лице. Она пригладила расческой сухие как пакля волосы и в её руках осталась белокурая прядь.

Застонав, я с силой бросила расческу в зеркало, чуть не

разбив его. Вокруг меня весь пол был усыпан выпавшими волосами. Шла третья неделя моего заточения. Волосы начали сыпаться примерно неделю назад. Сначала я не придавала этому особого значения, но с каждым разом на моей расческе оставалось все больше волос, волосами начал забиваться слив. Не помогало ничего: ни уходовая косметика, ни натуральные маски. Я помню, как три года назад умерла наша лабрадор Полли, перед этим она долго болела. Я так переживала, плакала, не могла нормально ни есть, ни спать. Тогда у меня тоже очень сильно лезли волосы, что я даже сделала короткую стрижку.

Я заплела французскую косу, нанесла макияж, замаскировав глубокие тени под глазами, и подошла к шкафу. Гребанному эстету не понравились ни моя одежда, ни обувь, ни белье из масс-маркета, и уже несколько дней мой шкаф был полон новыми брендовыми вещами. Выбрав наряд поскромнее, я спустилась на первый этаж.

Чёрт! Дверь в кабинет Марка была приоткрыта, а значит, он дома! Уже неделю Марк почти не покидал загородный дом, и мне хотелось выть от его постоянного присутствия.

– Лина, зайди! – прогремел его голос. Вот его моя персона, похоже, совсем не напрягала. Ну, ещё бы! Это же не я отправляю его под стол «снимать напряжение»!

Мне до одури хотелось убежать и спрятаться в какой-нибудь комнате, забраться в шкаф или под кровать, не двигаться и не дышать. Но вместо этого, гордо вскинув голову, я

прошла в кабинет.

Марк пробежался по мне оценивающим взглядом. Если ему что-то не нравилось, то он отправлял меня переодеваться, но сейчас мужчина удовлетворенно кивнул.

– Распусти, – указал он на волосы.

– Не могу, – его брови удивлённо взметнулись вверх, а лицо приобрело жёсткое выражение. Я поспешила объяснить: – Сыпятся.

– Скажи Шульцу, пусть пропишет витамины.

Да уж, мой тюремщик – сама забота!

Александр Янович Шульц – тот самый доктор, что осматривал меня на второй день моего пребывания в этом доме. Он же назначил мне различные препараты, в том числе контрацептивы, которые я регулярно принимала. Забеременеть от чудовища – что может быть хуже?

– Я подумал над твоей просьбой, – сказал Марк, кивком указав мне на стул перед собой. Я села, а он, поставив мой телефон на подставку, слегка придвинул его мне. – Можешь пообщаться с подругой. В моем присутствии.

Моё заточение здесь с каждым днем становилось все более угнетающим. Раньше я надеялась, что меня начнут искать, или, что Дима быстрее вернёт долг, но в любом случае, я скоро уеду отсюда. Но дни шли, и недавно Макс показал мне последние новости в интернете. Там говорилось о новом романе «известного бизнесмена и мецената с никому неизвестной студенткой экономического факультета»,

которую он прячет от посторонних глаз, поскольку «счастье любит тишину». Стало понятно, что Нейманн подстраховался со всех сторон. Даже если он меня отпустит, кто же поверит отвергнутой любовнице влиятельного бизнесмена, решившей из мести очернить имя такого достойного человека? И тогда я, набравшись смелости или наглости, попросила вернуть мне сумку, с которой я была в тот проклятый вечер, в ней были телефон и документы. Естественно, Марк отказал мне в документах, а насчёт телефона обещал подумать.

Я так хотела услышать знакомый голос, что согласилась на его условие.

– Ааа! Пропавшая! – услышала я голос Юльки моей ближайшей подруги. – Привет!

– Привет! – я улыбнулась.

– Я думала, куда же она запропастилась?! В соцсетях не отвечает, телефон отключён. А у неё роман, оказывается! – вопила на том конце провода подруга.

– Ты уже читала новости? – спросила я очевидное. Было горько осознавать, что подруга поверила в это.

– Ещё бы! У нас все только об этом и говорят! Девчонки тебе завидуют! А я им говорю: надо как Геля верить в себя! Ну, я тебя поздравляю! Ты же так влюблена в него была! – черт бы побрал длинный Юлкин язык! Как будто душу вывернули наизнанку и перетрясли, обнажая все самое постыдное. Сердце закололо, вся кровь бросилась мне в лицо, захотелось провалиться сквозь землю. Чудовище, растоптав-

шее меня, не должно было знать о моих позорных чувствах к нему в прошлом.

Я перевела взгляд на Марка. Он сидел в кресле вполоборота, закинув ногу на ногу, одна рука покоилась на подлокотнике, а второй мужчина почесывал гладковыбритый подбородок. Его взгляд прожигал меня насквозь. Марк слушал наш разговор, который проходил по громкой связи, и его приподнятая бровь говорила о крайней заинтересованности.

– Не болтай ерунды! – гневно прохрипела я. – Не было такого!

– Ты сама себе не признавалась, – подруга не почувствовала произошедшей перемены настроения, – но мне со стороны было все прекрасно видно, как ты пожирала его глазами, когда видела! Ты молодец: взяла судьбу в свои руки. Раз Магомет не идёт к горе, как говорится, то гора идёт к Магомету! Ты решилась и пошла! Я вообще не ожидала такого исхода, но каждый человек – кузнец своего счастья! Я так тобой горжусь! – Юлия продолжала петь мне дифирамбы, а я, глядя на высокомерную ухмылку Марка, сильно пожалела, что позвонила ей. Разговор все больше походил на исповедь... Перед дьяволом!

– Всё совсем не так! – растерянность переросла в гнев, и мне так хотелось стереть с его лица эту усмешку, но я не знала как.

– А как? – заинтересовалась подруга, но тут же перебила саму себя. – Расскажи, как он в постели?

– Отвратительно! – процедила я сквозь зубы, прежде чем успела подумать. И уже через мгновение с затаенной злобой наблюдала, как надменная улыбка Марка медленно сползает с его красивого лица. Душа наполнилась мелочным удовлетворением от того, что мне удалось пусть не сорвать, но приподнять его маску и обнажить порочное нутро.

– Ты уверена? – переспросила Юля. – Тебе ведь не с чем сравнить, насколько я знаю.

– Уж поверь, даже мне понятно! – судя по прищуренным глазам Марка, он мне не спустит подобной вольности, но я с остервенелым мазохизмом продолжала закапывать саму себя.

– Ох, сочувствую тебе, дорогая! Отхватить такого красивого и богатого мужика... Что, наверно, только о себе думает?

– Ты даже не представляешь, насколько! – я не говорила правды, но и не лгала. Я сама не поняла как, но эта беседа с подругой превратилась в мой монолог перед Марком. Я уже сама обнажала свою исковерканную душу перед ним. Я провоцировала его, дразнила зверя в его же логове, и не могла остановиться.

– Да все, они, красивые мужики такие! В сексе только о своём удовольствии заботятся! – пожалела меня Юлька. – Ну, ничего, зато ты теперь знаешь, какой он, и не будешь сохнуть по нему как раньше.

– Ты права! – подруга, ты даже не представляешь, как ты

права!

– Ну, слушай, отношения же не только на сексе строятся!

По красноречивому взгляду и сжатым в резкую линию губам Марка я поняла, что уже наговорила на премию Дарвина. Но подруга сама внезапно сменила тему.

– Мы недавно встретились с Джули, – Джули это наша подруга с драмкружка. В нашей студенческой тусовке оказались две Юли, вот, чтоб как-то их различать, решили одну из них назвать Джулией, а потом сократили до Джули. – Посидели в кафе, она мне такое рассказала!

– Что же? – отрывисто спросила я. Я сделала глубокий вдох и выдох, стараясь сбросить охватившее меня напряжение. И я была рада поговорить о чем-то другом.

– Она начала подозревать своего Юрку в измене. – Юлька, не имевшая понятия и произошедшей молчаливой дуэли, тараторила как ни в чем не бывало. – Нашла его анкету на каком-то сайте знакомств. Зарегистрировалась, фотки левые закачала, написала ему, договорились о встрече. Она парик надела, губы себе увеличила, скулы зрительно изменила, линзы в глаза вставила. В общем, стала похожа на фифу с тех фоток. Встретились. Так он сразу её узнал. По походке и по голосу! Вот дуреха! Между нами: она всегда была посредственной актрисой! Я ей сказала, что Гелька бы тут не прокололась. Ты же круто голоса менять умеешь, ты же даже в озвучке подрабатывала!

– Да, – отмахнулась я, – было дело! Ну и дальше что?

– Ну что-что! Скандал! В общем, прижала она его! Сделал он ей предложение. Тут ехать в ЗАГС, а он паспорт теряет! Помнишь, песня такая была старая, нам ещё Стас ставил, там какой-то патлатый мужик пел «Я на тебе никогда не женюсь, я лучше съем перед загсом свой паспорт»? Вот один в один получилось! – Юля так заразительно смеялась, что я улыбнулась. Марк презрительно сжал губы и вернулся к своей работе.

– Да, это теперь надолго.

– Ничего подобного! Написал заявление о пропаже, скоро восстановят!

– Да? Я помню рассказ моей тёти, она потеряла паспорт в начале нулевых. Вернее, у неё украли. Причём не в своём регионе. Её так долго мурыжили, наверно полгода восстановить не могла. Говорят, искали.

– Не, – отмахнулась подруга, – не знаю, как раньше, сейчас просто пишешь заявление и недели через две получаешь новый.

– Ну, хорошо, – что я ещё могла сказать. Марк подал знак заканчивать разговор, и я поспешила попрощаться. – Ладно, Юль, мне надо идти...

– Что, твой зовёт?

Меня аж передернуло от того, как она назвала это чудовище.

– Не называй его так, – я не заметила, как произнесла это вслух.

– А что?

– Я чувствую, это ненадолго, – надо было как-то выкручиваться. Я вообще удивляюсь, что Марк дал нам договорить. Я ожидала, что он разозлится и просто прервет на середине разговора, но он спокойно выслушал все нелицеприятные вещи, что я о нем говорила.

– Поэтому, у тебя такой грустный голос сегодня? – задала подруга неожиданный вопрос.

– Грустный?

– Думала, я не замечу?

– Я... Я... Я не хочу об этом говорить, извини, – это была чистая правда, запал прошел, и я чувствовала навалившуюся усталость.

– Ладно, Гелик, как скажешь, – так называли меня мои близкие друзья, – но если захочешь, я всегда выслушаю, ты же знаешь!

Мы попрощались, Юля взяла с меня слово не пропадать, а я посмотрела на Марка: разрешит ли? Я была уверена, что нет. Я наговорила много лишнего, за что теперь, когда острота разговора ослабла, корила себя. Но тот никак не отреагировал. И я с затаенной надеждой пообещала.

Это недолгое общение, пусть под контролем мучителя, пусть вылившееся в исповедь, опустошившую меня, как ни странно, вдохнуло в меня жизнь. Родной голос подруги оказался тоненькой, но такой нужной и спасительной ниточкой, которая связала меня нынешнюю, униженную и растоптан-

ную, с той свободной личностью, которой я раньше была.

Я завершила разговор и Марк забрал телефон. Его вид говорил, что он весь в работе и ему не до меня, что я собралась уходить. Я не поблагодарила его, да он и не ждал.

– Тупой брат, тупые подруги. Я разочарован в тебе, Лина, – сказал он, даже не отрывая глаз от экрана своего макбука.

Мне надо было промолчать, но боль, затаившаяся глубоко внутри, не имевшая выхода до сегодняшнего дня, продолжала порциями изливаться наружу.

– Почему? Что тут неожиданного? – не удержалась я, со смесью злорадства и запоздалого страха наблюдая, как он отрывается от девайса, чтобы обжечь меня взглядом, в котором читался немой вопрос. – Только непроходимая тупица могла быть влюблена в тебя!

Я смотрела на мужчину и не узнавала его. Я ожидала чего угодно: оскорблений, очередного насилия, но не того, что он спокойно мне ответит.

– Сегодня ты наговорила достаточно, не рой себе яму ещё глубже – не выберешься. – Но Марк Нейманн не был бы собой, если бы не продолжил: – А свое отношение ко мне можешь засунуть... Впрочем, я покажу тебе, куда и как глубоко ты его сможешь засунуть.

Он вернулся к работе, более не обращая на меня внимания. Мне следовало испугаться его угрозы, которую, я знала, он обязательно исполнит, но меня охватило усталое без-

различие: слишком много противоречивых эмоций я испытала за какой-то час. И я просто вышла.

Глава 8.

Выйдя из кабинета Марка, я направилась в сад. Мне было необходимо прийти в себя в спокойной обстановке. Я уже выходила, как в дверях я столкнулась с разгневанным незнакомцем. Мне пришлось буквально вжаться в стену, поскольку мужчина ураганом ворвался в дом и пронесся по коридору, держа курс на кабинет моего мучителя. Судя по тому, что охрана его не перехватила, хозяин дома ждал его. Стало понятно, почему Марк решил не задерживать меня.

В недоумении я продолжила свой путь в сад. Стоило признать, здесь было очень красиво: аккуратные газоны, фигурно постриженные кустарники и деревья. Пространство перед домом от ворот до входа было выложено брусчаткой, на заднем дворе имелся бассейн неправильной формы, с шезлонгами по центру и фонтаном с левой стороны. Но моим любимым местом, если в аду может быть любимое место, был альпинарий с небольшим водопадом. Сидя на нагретых солнцем камнях и глядя на журчащую воду, я строила планы побега один нелепее другого. И все они проваливались еще на этапе выхода из дома. Покинуть эту хорошо охраняемую территорию незаметно было невозможно.

Поначалу я ждала, что Дима найдет деньги, чтобы вызволить меня. Я знала, что это невозможно, иначе он не пустился бы в бега, только вот надежда такое глупое чувство... Но

дни шли, а от брата не было вестей. Иногда мне казалось, что Марка устраивало такое положение дел: он получил живую игрушку, а долг... Что-то не чисто было с ним, я чувствовала это. Мне нужно было найти способ связаться с братом.

Я проходила мимо окон кабинета, когда меня буквально оглушил гневный голос:

– Какого хера, Марк?! – орал неизвестный. – Какого хера ты присвоил все мои акции?!

Я не слышала, что отвечал ему Марк, всегда спокойный, с неизменной презрительной полуулыбкой на губах, он редко выходил из себя или повышал голос при посторонних. Его истинные эмоции были только для меня. Только я видела его без маски. Только со мной он был настоящим.

– Ты не должен был получить ничего, кроме парочки вшивых акций, но ты лишил нас всего! Отец верно говорил, что ты – паршивая овца в стаде!

– Подслушиваешь? – я чуть не подпрыгнула, когда над ухом раздался вкрадчивый голос.

– Не подходи ко мне так близко! – вскрикнула я, прижимая руку к груди, пытаясь отдышаться от испуга.

Макс поднял вверх руки и отступил на пару шагов.

– Я не подслушивала, – зачем-то начала я оправдываться, – просто они говорят слишком громко. Кто он? – спросила я про неизвестного гостя.

– Альфред? – уточнил Макс.

– Я не знаю кто это.

– К Марку Рудольфовичу сегодня приехал Альфред Рудольфович. Старший брат.

– У него есть семья? – удивилась я.

– Чему ты удивляешься? – не понял Макс.

– Семья это же для нормальных людей, а не..., – я осеклась. – Ты ещё скажи, что он не порождение Ехидны, а был рожден от обычной земной женщины!

– Порождение чего?!

– Ехидны. Греческая мифология. А, забудь! – махнула я рукой.

– Чудная ты, – задумчиво протянул парень.

– А чего же они не поделили?

– Да кто их знает, они вроде с детства не ладили.

– Почему?

– Я не так давно здесь работаю, чтобы все знать.

– Но что-то же ты все-таки знаешь.

Макс вздохнул, огляделся по сторонам.

– Ты ведь не отстанешь, – улыбнулся он, а я помотала головой и... Тоже улыбнулась в ответ. – Ты такая красивая, когда улыбаешься, вернее ты всегда красивая, – восхищенно протянул парень. Я даже смутилась, хотя он и раньше говорил мне комплименты, которым я не придавала значения. Пожалуй, он единственный кто был добр ко мне в этом доме. Да, он надзиратель, приставленный ко мне моим тюремщиком, но, может, зря я так упорно отталкиваю его дружбу? – Ну, ради твоей улыбки, слушай. Насколько я знаю, ста-

рик не жаловал младшего сына, даже учиться отправил в какой-то закрытый пансион. И уж конечно все отписал старшему. Но... Альфред.. Он же не работал ни дня, в то время как Марк начинал с низов.

– Надо же, – удивилась я, – я думала, он родился с золотой ложечкой во рту.

– Так вот, воспользовавшись неумением старшего брата вести дела, – продолжал мой собеседник, – Марк постепенно весь бизнес переоформил на себя. Оставил Альфреду что-то на жизнь.

– Кажется, он и это «что-то» тоже забрал. Альфред кричал что-то про акции.

– Нам богатых не понять, столько денег, а они поделить не могут.

Мы неспешно прогуливались по саду среди деревьев. Я переваривала услышанную информацию. Надежда на благополучный исход таяла как свеча. Если Марк отобрал все у родного брата, то как он поступит с чужими ему людьми?

– Как думаешь, Марк отпустит меня, когда Дима выплатит долг? – задала я мучающий меня вопрос. – Что он сделает со мной, когда я ему надоем? Ведь он наиграется, рано или поздно. Убьёт? Сколько он привозил сюда, таких как я? Где они все? Закопал под теми кустами? – указала я на аккуратно постриженные розы, растущие чуть поодаль.

– Он не привозил сюда никого, – покачал головой Макс.

– Откуда ты знаешь? Как давно ты здесь работаешь? – не

поверила я.

– Не так давно, пару лет.

– Ясно, значит, остальных он прикопал в семейном особняке! Ах! – я несла бред, отчаянно заламывая руки, лихорадочно хватая себя за волосы, растрепав аккуратно заплетенную косу, закрывая лицо руками.

– Успокойся, никого он не убивал!

– Я буду первая! Макс, сам подумай, ну не отпустит же он меня с миром! – я нервно ходила по дорожке между деревьями взад-вперёд, схватившись за голову.

– Он не убьёт тебя! – парень подскочил ко мне и встряхнул за плечи.

– Да кто ему помешает?! – я уже орала, отталкивая его руки, но он только крепче прижимал меня к себе.

– Я! – воскликнул он, перебивая мои крики. – Я! – сказал он тише, прижимая меня к себе, целуя в макушку.

– Не трогай меня! – я отшатнулась от него, но он только крепче сжал меня в объятиях.

– Тише, тише! – шептал он.

– Отпусти! – я с силой оттолкнула его и, спотыкаясь, бросилась к дому.

Забегала в санузел на первом этаже, чтобы привести себя в порядок. Оправила одежду, переплела косу, побрызгала в лицо холодной водой, аккуратно промокнув кожу бумажным полотенцем. Надеюсь, никто не был свидетелем наших с Максом объятий, иначе даже страшно подумать о послед-

ствиях.

Прихватив в библиотеке книгу, до конца дня я просидела в своей комнате. Если бы кто спросил меня о чем роман, я бы не смогла ответить, настолько была погружена мыслями в произошедшие события от разговора с учителем, до неожиданных объятий с Максом.

А вечером пришёл Марк. Он был одет в футболку, обтянувшую его рельефный торс, и домашние штаны. Уверенными шагами, пройдя в комнату, он резким движением вырвал меня из кресла, в котором я читала книгу.

– Я был слишком мягок с тобой, – произнёс он, грубо швыряя меня на постель, и наваливаясь сверху. – Ты понятия не имеешь, что такое отвратительный секс. Я покажу тебе.

Глава 9.

Холод. Меня окружал арктический холод. Я лежала на дне ванны, поливаемая ледяными струями воды. Я не могла пошевелиться, все тело болело. Саднило горло, лёгкие до сих пор жгло от нехватки кислорода, ныла едва не вывихнутая челюсть, тянуло низ живота, между ног невозможно было дотронуться, да я и не пыталась. Лицо, грудь, ягодицы горели огнём от пощечин и шлепков, губы были искусаны до крови, по всему телу багровели засосы и кровоподтеки, оставленные его пальцами. Волосы слиплись в грязный ком, он использовал их вместо тряпки...

Обрывками приходили болезненные воспоминания.

Бросок на колени. Пощечина, одна, вторая, третья, резкий рывок за волосы, запрокидывающий голову...

«Твои губы сегодня будут здесь», – указал Марк на основание члена, толкнув его глубоко мне в рот, обхватив челюсть, чтобы я не съжала её, безжалостно тараня гортань. А когда его орган упёрся в горло, и я уже не могла принять ни на миллиметр больше, ублюдох, крепко фиксируя голову за волосы, зажал мне нос...

Обжигающий шлепок ладони по груди, мой крик, грубые пальцы оттягивают, щипают и выкручивают соски, пока он с силой вбивается в моё тело...

«Как думаешь, поместится сюда моя рука? – спросил он, широко раздвигая мне ноги, устраивая себе передышку после многочасового марафона. Я в ужасе пытаюсь вырваться. – Не дергайся, дрянь, а то порву!»

«Поместилась», – глумливо ослабил подонки и съжал внутри меня пальцы в кулак. Его глаза горели азартом, в них не было ни злости, ни ненависти. И это было самое страшное. Все что он делал, он делал просто потому, что мог, просто потому, что был сильнее...

Марк терзал моё тело до самого утра. Я уже не кричала, я хрипела, умоляя отпустить меня, беззвучно открывая рот в немых просьбах о прощении. Он насытился только с рассветом, когда я уже не шевелилась. Отнес меня в ванну и бросил там одну, выкрутив холодную воду на полную мощь.

Я не знаю, сколько времени я пролежала в ледяной луже

под ледяным дождём. Меня обнаружила горничная, которая долго пыталась растормошить меня, поскольку я не шевелилась. Наконец, удостоверившись, что я жива, она помогла мне помыться, завернуться в полотенце и дойти до постели. Путь в несколько шагов до кровати показался мне вечно­стью. Каждое движение отдавалось дикой болью в промеж­ности. Уложив меня, приговаривая что-то о молодых дев­чонках, падких на легкие деньги, женщина принесла горя­чий чай, завернула меня в одеяло и вызвала Шульца. Я зна­ла, что больше не увижу её, что ей хорошо заплатят за мол­чание, хотя она и так уже сделала поспешные выводы.

Александр Янович явился в течение получаса, но не смог добиться от меня ничего. Я противилась осмотру. Хрипло кричала при попытке притронуться ко мне. Не принимала лекарств и не поддавалась никаким уговорам. А он разводил руками, не решаясь действовать силой.

– Не трогайте меня, – бормотала я в полубреду, кутаясь в одеяло, – не трогайте, пожалуйста, не надо. – Я не замечала, что плакала, что слезы пропитали подушку.

– Ангелина, ты вся горишь, – пытался вразумить меня доктор, – я всего лишь осмотрю тебя.

– Мне холодно, – просипела я, – не трогайте меня, не смотрите на меня.

– Что с ней? – услышала я знакомый голос и в комнату ворвался удушающий запах перегара. Я вжалась в подушку, натягивая одеяло на голову, отползая к стене. Тело не слу-

шалось, но я упрямо, сквозь боль, по миллиметру отодвигалась от края.

– Это вы мне скажите, что с ней! – гневно высказался Александр Янович, но быстро взял себя в руки. – Она не даёт осмотреть себя. Лекарства не принимает.

– Не трогай меня, Марк, – продолжала я хрипло бормотать, вжимаясь в стену, – я сделаю все, что скажешь, только не трогай, я не могу больше. Мне так больно...

– У неё жар, – услышала я голос доктора. – Горничная сказала, что нашла её лежащую в ледяной воде. Неизвестно, как долго она там пробыла, я подозреваю воспаление лёгких.

– Мне холодно, – жалобно пролепетала я, прежде чем отключилась.

Я проснулась от удушающего кашля, когда за окном было темно. Открыв глаза, я долго пыталась сообразить какое сейчас время суток. Горло и лёгкие горели, нестерпимо хотелось пить. Я попыталась встать, но закружилась голова, и меня чуть не вырвало от... запаха кубинских сигар. Я пристально всматривалась в темноту, но комната была пуста. Воды на прикроватной тумбочке не было, и я снова впала в забытие.

Не знаю, сколько я пробыла в бреду. Иногда днем я слышала голос доктора, а по ночам мне чудилось присутствие Марка. Бывало, мне мерещился огонёк горящей сигары в кресле. Порой чувствовала широкую мужскую ладонь, лёгкими, почти невесомыми, прикосновениями поглаживающую моё лицо.

– Не надо, пожалуйста, – шептала я, и ладонь исчезала, оставляя терпкий шлейф до боли знакомого парфюма. Это воспаленный мозг подкидывал мне галлюцинации.

Часто я слышала незнакомый женский голос, уговаривающий меня поесть или принять лекарство. Мягкие женские руки ставили уколы, обтирали меня, меняли белье, помогали дойти до туалета, придерживая за плечи. Кажется, мне наняли сиделку.

Молодость и должный уход сделали свое дело, и я пошла на поправку. Я уже не видела сиделку, еду и лекарства мне приносили бесконечно меняющиеся горничные. Однажды, встав с кровати, я в очередной раз пошатываясь прошлась по комнате, и на столе я обнаружила чей-то планшет, должно быть, его забыла горничная. Моей радости не было предела! Дрожащими руками я схватила его, не веря в собственную удачу. Но мой восторг быстро сменило разочарование, когда я поняла, что ни позвонить, ни выйти в интернет я с него не могу. Этот планшет предназначался лично мне, и он никогда не принадлежал горничной. В нем было много музыки, книг и фильмов. Я проводила с ним все время, бесцельно гоняя фильмы по кругу, не запоминая сюжета, или включала музыку, не вслушиваясь в слова, глядя пустыми глазами в потолок.

Я не знаю, сколько времени я провела так, но сейчас глядя в зеркало, я видела в отражении живого мертвеца. Пока ещё живого...

Глава 10.

День сменялся ночью, а ночь днём. Не знаю, сколько прошло времени с моего выздоровления. За окном все так же сияло солнце, но я больше не выходила из дома. Мне уже дня два не приносили еду, вынуждая покинуть комнату, но я шагу не сделаю за дверь, даже если буду умирать от голода. Я целыми днями лежала в постели в обнимку с Потапычем, достав его из шкафа, и пялилась в планшет, гоняя один фильм за другим. Я не запоминала ни сюжета, ни названия. Отбери его у меня, и я с тем же интересом буду пялиться в стену.

Вот и сейчас я смотрела какое-то старое кино – смесь боевика и комедии, бессознательно гоняя его на повторе. Главный герой фильма прыгает по вагонам поезда, а потом в туалете гриммируется под негра, отрабатывая голос, походку и другие движения. Он так вжился в образ, что его преследователи ничего не заподозрили, и он беспрепятственно прошёл мимо них. Я вспомнила последний разговор с подружкой про нашу общую знакомую Джули. Она так и не смогла провести своего парня, проколовшись на том, что не продумала образ. Внезапная мысль подбросила меня на месте, интересно, я смогла бы выбраться отсюда, переодевшись горничной?

Эта идея прочно засела в моей голове. Марк заставил пройти меня через настоящий кошмар в ту ночь. Стоило только подумать о том, что он снова ко мне прикоснется, как я впадала в панику. Мысли о побеге появились давно, но вы-

браться из дома было не основной задачей. Самое главное – спрятаться так, чтоб больше не нашли. В этом мне сможет помочь только Дима. Но он не спешил вызволять меня, хотя Марк в ту ночь отправил ему ещё парочку фотографий. Любящий брат уже давно был бы здесь, а Дима все медлил. Может, его нет в живых? Я должна срочно найти способ с ним связаться. Только мне был известен его секретный номер для экстренной связи. И если Марк узнает об этом, он найдёт способ развязать мне язык.

Я думала о том, кому можно довериться? Горничные отпадают. Они меняются так часто, и для них всех я – подопечная Марка после тяжёлой депрессии. Хочешь что-нибудь хорошо спрятать – положи это на поверхности! Макс? Парень был так убедителен в прошлый раз, но он служит моему тюремщику.

Я так ушла в свои мысли, что слишком поздно услышала знакомую поступь. Я приподнялась на постели, натягивая на себя одеяло, пряча Потапыча под подушку, как дверь распахнулась, и на пороге появился Марк. Я не видела его очень давно. Он быстрыми шагами прошёл в комнату и с размаху плюхнулся в кресло.

– Мне сказали, ты ничего не ешь, – сказал он, подаваясь вперёд, опираясь руками на колени, сцепляя пальцы в замок.

В горле внезапно пересохло, язык налился свинцом, я знала, что надо что-то сказать, но могла только мычать.

– Я... Я буду есть, Марк, – наконец, пролепетала я, ото-

двигаясь к стене.

Мужчина хмуро следил за моими робкими неуверенными движениями.

– Мне не нравится, что ты целыми днями сидишь в комнате, ты уже давно поправилась, – продолжал он.

– Д... Да, – невнятно бормотала я, заикаясь.

– Что да? – Марк начинал злиться, а я впадать во все большую панику.

– Я... Я буду... выходить, – я была готова пообещать что угодно, лишь бы он прямо сейчас ушёл.

– Убери одеяло, – скомандовал мужчина, и я не посмела послушаться. Он, хмурясь, оценивающе осмотрел меня. – Даю тебе два часа. Приведи себя в порядок и спускайся. Жду тебя в своём кабинете.

Ну, вот и все. Передышка закончилась.

Я смотрелась в зеркало и ненавидела. Ненавидела свое тело. Поруганное и грязное. Я ненавидела эти волосы, которые он так любил наматывать на кулак, которыми он вытирал свой испачканный орган. Я смотрела на сухую безжизненную паклю, свисающую до пояса, и, прежде чем я успела понять, что делаю, моя рука сама потянулась к ножницам и отстригла прядь. У меня не было парикмахерских или канцелярских ножниц, и я воспользовалась маникюрными. Всхлипывая, обливаясь слезами, я остервенело кромсала прядь за прядью. Долго. Грубо. Неровно. Некогда прекрасные локоны падали на пол, а я с ненавистью отпинывала их в сторону. Я

так увлеклась, что не заметила, как кто-то вошёл в комнату и приоткрыл дверь в ванную.

– Какого хера ты творишь?! – рявкнул возникший на пороге Марк.

Я в ужасе обернулась. Ножницы выпали из рук и со звоном, ударившись о плитку, отлетели в сторону. Мужчина выглядел разъяренным, ещё миг, и он бросится на меня. Я отступила назад, ещё шаг, и ещё, пока не уперлась поясницей в столешницу с раковиной. Господи, что я наделала?!!

– Марк, пожалуйста! Это всего лишь волосы! – взывала я, закрывая лицо руками. – Всего лишь волосы! Они отрастут!

Глава 11.

– Это всего лишь волосы, Марк! – продолжала я всхлипывать все громче.

Я стояла, прислонившись к столешнице, опустив голову, плотно закрывая руками лицо.

– Прости, прости меня! – я не знала за что просила прощения. Это ведь не преступление отрезать волосы? Раньше не было, но сейчас?

Я слышала яростное дыхание Марка, чувствовала жар его тела, так близко ко мне он находился. Я боялась, что он снова набросится на меня, растопчет, раздавит, уничтожит, но он не двигался.

Я не знаю, как долго мы простояли друг напротив друга, но у меня начали сдавать нервы, и я, рыдая, медленно опустилась на пол.

– Они отрастут, отрастут, – приговаривала я сквозь слезы, завывая, сгребая отрезанные волосы в кучу, они липли к рукам, и я судорожно стряхивала их на пол.

Марк шумно выдохнул, и, не говоря ни слова, вышел из ванной комнаты, громко хлопнув дверью.

Я подобрала отлетевшие ножницы и продолжала собирать валяющиеся локоны, как меня окликнули:

– Ангелина Витальевна, оставьте, я уберу, – узнала я голос одной из горничных, – Марк Рудольфович велел вам спуститься в гостиную.

Я подняла голову, и женщина отшатнулась от меня. Встав и увидев себя в зеркале, я поняла почему. С безумным блеском в глазах, с нездоровым румянцем на лице, с безобразной причёской, стоя на коленях, держа в руках маникюрные ножницы, я выглядела как сумасшедшая.

Выходя из комнаты, я слышала вслед:

– Совсем девка с катушек съехала, что Марк Рудольфович в ней нашёл...

Помимо Марка, в гостиной меня ожидали ещё две девушки с внушительными бюти-кейсами на колёсах.

– Ангелина, – произнёс он так спокойно, будто не он некоторое время назад боролся с желанием придушить меня, – раз ты решила сменить имидж, эти профессиональные стилисты к твоим услугам.

Судя по тем словам, что горничная бросила мне в спину, он не боялся приглашать в дом посторонних, зная, что ему

все сойдёт с рук.

– Здравствуйте, Ангелина, – приветливо улынулись девушки, не знаю, что он им наговорил, если вообще посчитал нужным что-то объяснять, но они ничем не выдали своего удивления моим внешним видом. – Меня зовут Екатерина, – продолжила одна из них, пока вторая раскладывала все необходимые принадлежности, – а мою напарницу Маргарита. Сегодня мы к вашим услугам.

Я ошеломленно кивнула и вопросительно посмотрела на Марка, но тот лишь пожал плечами.

– Будем здесь или пройдем в комнату? – спросила Екатерина.

– Здесь, – ответил за меня Марк.

– В комнате было бы удобнее, – заметила Маргарита.

– Здесь, – повторил он и взялся за принесенный макбук, давая понять, что разговор окончен.

Девушки колдовали надо мной до самого вечера. Они стригли, красили, наносили маски, делали макияж, укладку. Все это время Марк находился в гостинной. Он даже не покинул её во время депиляции, так и просидел, уткнувшись в свой девайс, не поднимая головы.

– Какой у вас заботливый мужчина, – шепнула еле слышно Маргарита. – Редко кто из моих клиенток может таким похвастаться. – А я кивнула, не рассказывать же ей, что он сидит здесь, чтобы я не сболтнула лишнего.

Когда они закончили, то подвели к зеркалу, показать по-

лучившийся результат. На меня смотрела испуганная блондинка с удлинённым каре и вечерним макияжем. И хотя цвет волос не изменился, после окрашивания они стали казаться более мягкими и живыми. Меня можно было бы назвать красивой, если бы не излишняя худоба. Острые скулы, выпирающие ключицы, тонкие руки и ноги, на мне любая одежда смотрелась неестественно.

– Вы выглядите потрясающе! – восхищенно воскликнула Екатерина. – Не поделитесь своим секретом стройности?

– Много времени проводите в спортзале? – поинтересовалась Маргарита.

– Генетика, – громко произнёс Марк, захлопывая крышку макбука, всем видом давая понять, что разговор окончен, и им пора уходить.

Он придирчиво осмотрел меня, когда стилисты покинули территорию дома. Мне хотелось спрятаться от этого изучающего взгляда, но я продолжала стоять, вытянувшись в струнку, нервно кусая губы. Я боялась, что он захочет дотронуться до меня, не говоря о чем-то большем. Когда он заговорил, я вздрогнула и внутренне сжалась.

– Я прошу тебе эту выходку, – произнёс Марк, – но чтоб больше никаких неожиданностей.

Я кивнула, поскольку не могла заставить себя произнести ни слова. Он все так же сидел в кресле, изучая меня от макушки до пяток. Когда горничная сообщила, что Марк ждёт меня, я накинула на себя лёгкий сарафан, и сейчас, под его

пристальным взглядом, казалась голой самой себе.

– Собирайся, – сказал он, – покатаемся. И возьми с собой что-нибудь тёплое, хоть и август, но ночи сейчас холодные.

– Ты... Ты отпускаешь меня? – моё сердце зашло в бешеном ритме, но ответ Марка спустил меня с небес на землю.

– С чего бы вдруг? Твой брат даже на связь не выходит, не говоря уже о возврате долга. Просто покатаемся по ночной Москве.

Недоверчиво я пошла собираться. Надела джинсы с блузкой, накинула сверху кардиган. Одежда свободно болталась на мне, и мне пришлось потуже затянуть ремень на джинсах.

Когда я спустилась, Марк уже ждал меня в гостиной. Так же как и я, переодевшись в джинсы и рубашку, он выглядел таким обычным, если не знать, что его одежда стоит чьей-то полугодовой зарплаты.

Он провел меня в гараж и усадил на переднее сиденье своего порше. Я впервые увидела, где находится дом Марка. Это был какой-то посёлок, с такими же домами для богатеев. Мы вырулили на трассу и помчались по шоссе, ведущему в Москву.

Глава 12.

Мы ехали в столь поздний час, когда пробки уже успели рассосаться. Мои руки лениво лежали на руле. Рядом со мной сидела трясущаяся блондинка. Она старалась держаться, и, хотя благодаря климат-контролю в салоне стояла ком-

фортная температура, Ангелина дрожала.

Я гнал по пустой трассе, а Лина вжималась в сиденье, вцепившись в него тонкими пальцами. Скорость. Я обожаю скорость, когда адреналин сумасшедшими дозами выбрасывается в кровь и сшибает мозги напрочь! Лучше всех наркотиков, которые я пробовал в юности, в закрытом учреждении для богатеньких отморозков, куда меня засунул ублюдочный папаша! Кокаин, героин, лсд... В конце концов, я понял, что кто-то специально подсаживал детей богатых родителей на иглу. И я видел, как кончают наркоманы, как стирается личность и от человека остаётся пустая оболочка, требующая новую дозу. Я не хотел себе того же. Я должен был выбрать-ся и отомстить. Всему миру. Потому, я не дал себе в этом увязнуть. И все же, я – наркоман. Адреналиновый.

Я мёртв. Я давно уже мёртв внутри. Скорость – единственное, что заставляло почувствовать себя живым. До недавнего времени. Пока в мою жизнь не ворвалась она. Юная, наивная и невинная. Пришла просить за своего никчемного брата.

Когда я трахнул её впервые... Блядь! Ни с одной даже самой опытной шлюхой не было такого кайфа! Сжимать её, такую испуганную, дрожащую, врываться в неё, собирать губами её слезы, ловить каждый её вдох, знать, что первый. Я бы трахал её до утра! Да что там до утра? Всю жизнь! Не вынимая. С ней все было по-настоящему: её страх, её сопротивление, её ненависть. Всё её эмоции были истинными. Я уверял себя, что забираю её из-за долга, но уже тогда я знал, что

она все равно будет моей. Она стала моей одержимостью.

Я перевёл взгляд с дороги на сидящего рядом Ангела. Именно так я называл её про себя. Вся такая правильная! Наверняка, никогда не переходила дорогу в неположенном месте и тащила в дом больных животных.

– У меня была собака. Её звали Полли, она умерла три года назад. Я принесла её щеночком, кто-то выбросил её... – я что, спросил это вслух?

– У меня тоже был пёс. Арчи. Отец пристрелил его, когда я сбежал из закрытой школы, куда он меня засунул, – отвечаю ей, раз уж разговор зашел о собаках.

– Что?! – вот только сочувствия её не хватало! Хотя жалеем она не меня, а пса. Да она скорее посочувствует моему конченому папаше, которому достался такой сын, чем мальчишке, у которого отняли единственное живое существо, любившее его, ведь он вырос в редкостного гавнюка! Уверен, она оправдала бы любой поступок моего старика, каким бы подлым он ни был, поскольку я для неё...

«Ублюдок!» – так она называет меня, когда думает, что я её не слышу.

«Ублюдок!» – беззвучно шепчут её губы, когда я деру её в коленно-локтевой.

«Ублюдок!» – говорит её взгляд, даже когда она опускается передо мной на колени. Несмотря на страх, в её глазах всегда читается вызов. Читался. До той ночи.

– Забудь, давно было!

Я положил руку на её острую коленку, и она, вздрогнув, попыталась отстраниться, но я только сильнее сжал пальцы. Любое её самое малейшее сопротивление вызывало неконтролируемый азарт хищника. Кровь забурлила, еле сдержался, чтобы не съехать на обочину и... Нельзя. Пока нельзя. Все равно моя! Никуда не денется!

Она боится, очень сильно боится. Задышала нервно. Пиздец! В тот раз я реально перегнул палку! Не знаю, как умудрился не повредить ей ничего. Ещё бросил её в ванной, даже не проверил, что я там крутанул, ушёл, нажрался, а оказалось, она пару часов пролежала в ледяной воде. Словила воспаление. «Легко отделалась» – сказал тогда Шульц. А если бы я крутанул горячую?

– Куда ты везешь меня, Марк? – вопрос Лины вырывает меня из моих мыслей.

– Просто кататься, – и это правда.

– Просто?

Да, блядь, просто! Игнорирую её вопрос, сосредоточился на дороге. Она молчит тоже.

– Почему? – спрашивает Ангел.

Смотрю на неё, что почему?

– Почему, – повторяет она, – почему Дима ещё не объявился?

А я, блядь, знаю?!

– Ты же отправил ему фотографии, почему он молчит?

– Не знаю, – отвечаю ей.

Не отправлял я ему ничего, кроме самой первой фотки. Из-за тех фоток-то я и нажрался, как увидел. Впервые со студенческих времен. Сразу удалил их. Пиздец, конечно, решил девчонку наказать за длинный язык! Надо было вовремя остановиться... Я не планировал изначально делать с ней все то, что в итоге сделал. Я всегда себя хорошо контролировал. Но с ней... Её страх как наркотик, как самый сильный афродизиак. Тогда, рассматривая то, что я натворил, я впервые подумал, может мой старик, будучи атеистом до мозга костей, но твердивший с самого детства, что для меня в аду уготован отдельный котёл, был не так уж неправ?

– А если он мёртв? – продолжает говорить Лина.

– Жив, – коротко отвечаю ей.

– Ты уверен?

– Да, – я точно знаю, что он жив, и собираюсь дотянуться до него.

– А если нет? Что будет со мной? – спрашивает спокойно, но голос дрожит.

Пожимаю плечами, по-моему, все очевидно. Но она не понимает.

– Тыпустишь меня? Что ты сделаешь со мной?

– Нет, – не отпущу, – я тебе сейчас кое-что поясню. Романов, твой брат, оказался таким идиотом, что взял в долг не только у меня, но и у братьев Левандовских. Знаешь таких? – она качает головой. – Понятно. Те ещё отморозки, все, что слышала обо мне, умножай на десять. – Мы уже въехали в

город и неслись по Кутузовскому проспекту в направлении набережной. Поглядываю на неё время от времени. Даже в темноте было видно, как на её лице медленно проступает понимание ситуации. – Да, Лина, подставил тебя твой любящий братец конкретно.

– Он не хотел, – шепчет она тихо. – Он звал с собой.

– Он должен был не звать, а схватить в охапку и тащить! Ты знаешь, где он? – она снова качает головой. Знаю, что врёт, но такая преданность поражает, достойна восхищения. Я мог бы надавить на неё, но у меня есть другая идея, как добраться до Романова-старшего.

Я припарковался у Башни и мы вышли в направлении Набережной Тараса Шевченко. На другом берегу горели огнями небоскребы Делового центра. Я крепко прижимал к себе Ангела за узкую талию, и со стороны мы смотрелись влюбленной парочкой, которых в этот час здесь было полно. Она дернулась, но я только сильнее сжал её в объятиях.

– Даже не думай, – пресекаю все её мысли о побеге на корню, – я найду тебя везде.

Глава 13.

Мы шли вдоль набережной, и я думала о его словах. «Он должен был не звать, а схватить в охапку и тащить», – сказал Марк. Это то, что я чувствовала на интуитивном уровне. Я злилась на Диму, на то, что он бросил меня. Я все чаще задавалась вопросом, почему я должна расплачиваться за его необдуманные поступки?

– Для чего ты привёз меня сюда, Марк? – после той ночи думала никогда не смогу заговорить с ним, терпеть его присутствие. Но человек, оказывается, ко всему привыкает. Даже его запах больше не вызывает приливов тошноты. Я просто теперь не чувствую запахов.

С реки тянуло прохладой. Лето близилось к концу и ночи уже не были тёплыми. Я куталась в кардиган, чтоб не замёрзнуть, а Марк, будучи в одной рубашке, кажется, совсем не испытывал неудобства, его горячая рука обнимала меня за талию, и он периодически целовал меня в макушку. Со стороны мы казались влюблённой парочкой. Ведь никто не видел, как замирало моё сердце, стоило Марку чуть сильнее прижать меня к себе, как я хотела сбросить его руку, но не смела. Сколько я просидела взаперти в его доме? Около полутора месяцев? Скоро начнутся занятия, мой тюремщик обещал, что позволит продолжить мне учёбу.

– Тебе здесь не нравится? – отвечает Марк вопросом на вопрос.

– Нравится.

«Нравится» – не то слово, просто я рада оказаться вне стен его дома, пусть даже и с ним.

– Решил, что тебе нужно сменить обстановку, – все-таки он решил удостоить меня ответом.

Киваю. В самом деле, какая разница, если он все равно не собирается меня отпускать?

– Ты сказал, что разрешишь мне учиться, – напоминаю

ему о нашем соглашении, хотя в ту ночь, он разорвал наш договор в одностороннем порядке.

– Ты будешь учиться, – у меня отлегает от сердца. – Я договорюсь о дистанционном обучении. Перейдешь к очной форме, когда я буду уверен в твоей лояльности.

– Ты же не можешь меня вечно держать взаперти, – ошеломленно шепчу я.

– Почему? До сих пор у меня хорошо получалось. – Марк улыбается и снова целует меня в макушку. Пытаюсь отпихнуть его, после той боли, что он причинил мне, я не хочу его лицемерную нежность. Он резко меняется в лице и сильнее притягивает к себе. – Без глупостей!

Его грубости я боюсь сильнее, поэтому после короткого бунта быстро сдаюсь и разрешаю целовать себя. Мужчина же входит в раж от моей внезапной капитуляции, крепче обнимает, прижимает к парапету, осыпает поцелуями лицо, впиывается в губы. Я не отвечаю, стою, мои руки повисли вдоль тела, но Марка, кажется, это не смущает. Тогда, положив ладони ему на плечи, я начинаю потихоньку отталкивать его. Он отрывается от меня с шумным вздохом, горячо шепча на ухо:

– Трахнул бы тебя прямо здесь и сейчас, – его руки продолжают гулять по моему телу, прижимая и поглаживая. – Чёрт! Хотел же дать тебе время, но не могу больше терпеть, взорвусь! Поехали! Сегодня переночуем в апартаментах. Тут недалеко!

Что?! Нет! Нет! Нет! Не замечаю, как начинаю вырывать-ся и бить его, стараясь попасть в пах. Я готовлюсь заорать, позвать на помощь, но Марк быстро берет контроль над ситуацией, разворачивая меня к себе спиной, больно вдавливая животом в ограждение, одной рукой перехватывая мои руки, а второй зажимая мне рот.

– Ты охерела, дрянь?! – яростно шепчет мне на ухо, резко выходя из образа «хорошего парня». – Думаешь, ты плохо живёшь? Я могу сделать твою жизнь совершенно невыносимой! Я могу запереть тебя в подвале и не выпускать! Ты этого хочешь?! – Я трясусь и качаю головой. – Сейчас я отпущу тебя, а ты молча следуешь за мной к машине. Поняла?

Я судорожно закивала, и он медленно сначала опустил руку, зажимающую мой рот, а потом мои запястья.

– Идём! – командует он, и крепко обнимая за плечи ведёт к парковке. Обратную дорогу до машины мы молчим. Если кто и видел нашу короткую ссору, то предпочёл не вмешиваться.

В машине меня начинает трясти, и пока он, кружа по развязкам, выезжает на мост, ведущий в Деловой центр, я жалобно лепечу, сама ненавидя себя за этот страх.

– Прости, Марк! Прости! Я не должна была! – мне так страшно, что я готова покаяться в чем угодно. – Прости, пожалуйста!

Мужчина мрачно молчит, лишь играющие желваки на лице выдают его напряжённое состояние.

– Марк, я боюсь тебя! – меня уже несёт, и я, не думая ни о чем, начинаю говорить правду. – Ты прикасаешься ко мне, а я умереть хочу! Я так боюсь тебя, ты даже не представляешь!

– Молчи, Лина! – рывкает он, но меня уже не остановить.

– Боже! Да я же до одури боюсь тебя! – реву я. – Я никогда не смогу забыть ту боль, что ты причинил мне! Неужели тебе все это нравится?! Насиловать?! Ломать?! Марк, это ненормально!

– Заткнись, Лина! Просто. Закрой. Свой. Рот!

– Ты же нормальный мужик: богатый, красивый! Любая твоей по щелчку пальцев будет! Зачем тебе я?! Не говори, что из-за долга! Я не верю! Марк, я не верю! – кричу я в слезах. Бью кулачками, не разбирая, по двери, по панели, по его плечу.

Марк молчит, он уже взял себя в руки. Я не заметила, как проезжая мимо башен Сити, мы заехали на подземный паркинг одной из них. К тому времени, как мы остановились, весь мой запал иссяк, и я устало, двигаясь как сомнамбула, по его приказу, отстегнула ремень и вышла из машины.

– Где мы? – спросила я, оглядываясь.

– В этой башне находится одна из моих квартир, иногда я останавливаюсь здесь. – Пояснил Марк. – Идём. – Он кивнул в сторону лифтов. Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

Поднявшись на пятьдесят пятый этаж, мы вошли в огромную квартиру с высокими потолками и панорамным остек-

лением. Я ожидала чего угодно, что он ударит меня, набросится, едва мы переступим порог апартаментов, ведь знала, как его злит моё малейшее сопротивление.

– Что жмёшься? – спрашивает Марк, замечая моё состояние. – Ждёшь, что ударю? – Я молчу, стараясь держаться подальше от него и предугадать любое его движение. – Лина, я тебя разве бил?

Боже, он это серьёзно?!

– А разве нет? Что же ты тогда делал, Марк? – не могу удержаться от вопроса. Кажется, сегодня мне снова выпишут премию Дарвина.

Мужчина зависает на некоторое время, прежде чем недоумение на его лице не сменяется на понимание. Он действительно не считал те пощечины и шлепки за удары? А что это тогда? Элементы сексуальной игры?

– Чёрт! – ругается он и проходит вглубь квартиры, размахивая руками в разных направлениях, указывая на комнаты. – Там и там спальни, там кухня-столовая и гостиная, там мой кабинет, ну и три ванные комнаты. Разберёшься!

Я прохожу в гостиную, и останавливаюсь на входе. Марк стоит в полумраке комнаты у панорамного окна во всю стену от пола до потолка, рассматривая сверкающий огнями ночной город.

– Иди сюда, – в голосе звенят знакомые властный нотки. Я застыла. Знаю, надо идти, но не могу. – Ну, что такое?

Мне некуда деться. Даже реши я сбежать, я не смогу вый-

ти отсюда без ключа. Обреченно вздыхая, подхожу к нему, покорно опускаюсь перед ним на колени и тянусь дрожащими руками к пряжке ремня.

– Я, конечно, ценю твой порыв, – насмешливо произносит Марк, перехватывая мои руки. Тянет вверх, понуждая встать. – Но я хотел показать тебе город. – Он разворачивает меня лицом к окну, держа за плечи. – Как тебе?

Открывающееся зрелище завораживало, перехватывало дух. Вся Москва была видна как на ладони. Внизу, куда ни посмотри, не смотря на глубокую ночь, горели движущейся огненной змейкой проспекты, эстакады, мосты, улицы. Москва, реально, никогда не спит.

– Впечатляюще, – отвечаю чистую правду.

Мужчина откидывает мои волосы, и припадает к обнажённой шее губами, чувственно целуя, и медленно опускаясь к плечу. Как бы я ни старалась расслабиться, я не могла этого сделать, моментально напрягаясь от любого его прикосновения.

– Я никого сюда не привозил, – горячо шепчет он мне в спину, заставляя кожу покрыться мурашками.

– Почему же ты привёз меня? – удивляюсь его откровению.

– Ты заводишь меня, маленькая шлюшка, – продолжает он шептать сзади, обжигая дыханием кожу, – я дурею с тебя! Твой страх, твой стыд срывает крышу хлеще любого наркотика. – Его слова вызывают новую волну паники, я цепенею

от страха. – Ты такая искренняя! Настоящая! Я еле сдерживаюсь сейчас!

– Пожалуйста, – молю его, ненавидя саму себя за собственный страх, за жалобный тон, – пожалуйста, не делай мне больно!

Мужчина разворачивает меня к себе, одной рукой прижимает за талию, а второй запрокидывает мне голову, иступленно покрывая поцелуями мои губы и лицо. Положив ладони ему на грудь, пытаюсь сдержать его порыв. Он отрывается ненадолго от моих губ:

– Сними это, – приказывает он, указывая на кардиган и блузку.

И я сбрасываю с себя верхнюю одежду, непослушными пальцами расстегиваю пуговицы. Марк не ждёт. Продолжая целовать, шаг за шагом тянет меня по направлению к спальне. Наконец, с пуговицами было покончено и блузка летит на пол. Через пару шагов следом за ним отправляется бюстгальтер, и руки мужчины начинают беспрепятственно гладить грудь, сминать её, но не причиняют боли.

Пока мы дошли до кровати, Марк полностью раздел меня. Сорвав покрывало, он толкнул меня, обнажённую, на постель. И пока я отползала на середину, разделся сам, не отводя от меня горящего взгляда.

Вопреки моим ожиданиям, Марк нетороплив сегодня. Пока я онемевшими пальцами хваталась за простыню, он жарко ласкал меня, терпеливо ожидая отклика от моего те-

ла, которого не было.

– Ну же, расслабься, я все равно сделаю это, – горячо шепчет он, пальцами подготавливая моё лоно к своему вторжению.

Посчитав меня достаточно увлажненной, он вошёл в меня, медленно растягивая, давая привыкнуть к размеру. Сегодня его движения не приносили мне физического дискомфорта, только душевный. Ритмично двигаясь во мне, он не прекращает свои поцелуи и ласки. В темноте слышны шлепки наших голых тел, моё дыхание, его хриплые еле сдерживаемые стоны удовольствия.

Он не отпускал меня до самого утра. Лишь только едва заалел горизонт, полностью обессиленная, я все-таки проваливаюсь в сон в объятиях Марка, чувствуя его лёгкие поцелуи на лице, слыша горячий шёпот:

– Спи спокойно, Ангел. Мне не нужна твоя боль.

Глава 14.

– Ты когда-нибудь загонял зверя? – торжественно спрашиваю своего личного помощника и телохранителя.

После ночи, проведённой с Линой, я сидел в своём офисе за макбуком, когда мне пришёл ответ от её брата. «Отпусти её», – просил он.

– Да, я охотник, – отвечает тот.

– Я имею в виду двуногого, – уточняю на всякий случай.

– Да, – ещё более выразительно отвечает Слава, – я охотник!

Я отрываюсь от макбука и смотрю на него. Он скалится, и мы оба хохочем.

– Тогда, ты знаешь, какое это потрясающее чувство.

– Романова обнаружили?

– Пока нет, но это дело времени. Он все же ответил мне. Долго держался, но, похоже, сестра ему небезразлична. Вместе с моим сообщением ему была отправлена программа слежения – новая разработка моего хакера, которая автоматически внедряется в программное обеспечение при его открытии. И вот, зверь попался в капкан.

– Чётко сработано, Марк Рудольфович.

– Да, – соглашаюсь с ним.

– Что будете делать с ним, когда найдёте?

Что я буду делать? Денег для возврата долга у него все равно нет. Могу приказать своим людям изуродовать его до неузнаваемости, будет потом долг с пенсии по инвалидности выплачивать. Могу просто убить, в назидании другим. Но у меня есть идея получше.

– Заберу себе Ангелину. Насовсем, – я чувствовал облегчение от того, что долго откладываемое решение, наконец, было принято окончательно.

– А она согласится?

– Она будет сама умолять меня об этом, лишь бы её тупой братец остался жив, – я не идиот, и не испытывал иллюзий, что после нашего с ней начала, она вдруг обрадуется подобным изменениям, поэтому некоторое время придётся

держат её на коротком поводке, пока она не привыкнет.

Мое состояние было близко к триумфу охотника, загоняющего добычу, идущего за ней по пятам, и знающего, что охота продлится ровно столько, сколько позволит сам охотник. Впервые я узнал, что это такое в той самой закрытой школе, когда расправился со своим первым в жизни врагом. До сих пор помню, как хрустели его ребра под моими ударами, как закатывались от боли глаза, как билась голова об стену.

Закрытая коррекционная школа для подростков с девиантным поведением из богатых семей. Никто не знал, какие законы действуют за внешним благопристойным фасадом исправительного учреждения, куда папаша поместил меня. Нелюбимый, избегаемый в собственной семье, отталкиваемый родителями и братом, я рос упрямым и непокорным ребёнком, став к подростковому возрасту совершенно неуправляемым. Бля! Это был обычный подростковый бунт! Своим поведением я всего лишь хотел привлечь внимания родителей к тому, что я есть и я – живой! Черт возьми, отец, просто сядь и поговори со мной! Возьми меня с собой куда угодно: на работу, на охоту! Мама, когда в последний раз ты говорила мне ласковое слово, интересовалась моими делами: что я люблю, кто у меня друзья, какая девочка мне нравится? Отцу же пришла в голову «отличная» мысль, как, наконец, прогнать меня и заставить подчиняться: запретить в этой школе.

«Гнилая кровь, – говорил обо мне ныне покойный ублюдок, – мне стыдно, что ты – мой сын! Чего тебе не хватает?! У тебя есть все! Ты – паршивая овца в стаде! Ты – позор нашего рода! Я проклинаяю день, когда ты родился! Эта школа – последний шанс все исправить. Докажи, что ты чего-то стоишь!»

Я так и не смог понять, почему родной отец называет меня «гнилой кровью», в отличие от своего любимого Альфредика. Но назови человека свиньёй, и он захрюкает. И я решил, что надо соответствовать. После смерти отца, постепенно, я отобрал у своей семьи все, разрешив им остаться в фамильном особняке, в котором и так не собирался жить.

В элитной школе-тюрьме, куда меня засунул отец, обучались настоящие отморозки, пойманные на совершении тех или иных преступлений и прикрытые богатыми родителями. И в эту «благоприятную» среду поместили меня, обычного подростка-хулигана, самым большим преступлением которого были драки и сорванные уроки. В том учебном заведении хоть и применялись жесткие методы контроля и воспитания, и малейшее неповиновение сурово каралось, но по ночам в стенах школы действовали порядки, устанавливаемые учащимися. Среди учеников царила своя иерархия, и новенький попадал на самое дно, со всеми вытекающими последствиями. Такие как я, новоприбывшие, ещё не занявшие своего места в группе, были грушами для битья. Первые несколько месяцев были адом, меня пропускали через мясо-

рубку раз за разом, проверяя на прочность, но я не сдавался. Били меня, я бил в ответ. За мой отказ прогнуться, по ночам из меня делали котлету, пиная и избивая, чем придется, пока я не терял сознание.

Бездействовали ли учителя и воспитатели? Официально, нет. Они выявляли зачинщиков драк и наказывали их. При необходимости, могли посадить в карцер и посадить на голодный паек. При поступлении в школу, родители подписывали договор с администрацией, разрешавший любые методы влияния, прописанные в особом параграфе. Но этих мер было недостаточно, чтобы приструнить ошалевших, по сути, от безнаказанности подростков. И каждый раз зачинщиком драки отказывался я, по крайней мере, так говорили свидетели.

Можно ли было оттуда уйти? Самостоятельно нет, но родители не спешили забирать своих отпрысков, от которых так удобно избавились, получив при этом молчаливое одобрение общества.

Я звонил отцу и просил забрать меня, пытался объяснить ему, что происходит в стенах элитной тюрьмы, но он отказывался даже говорить со мной. Тогда я сбежал. В наказание папаша пристрелил моего любимого пса, которого я буквально выкармливал с пипетки, настолько он был мал, когда достался мне, чтобы я не рвался домой, ведь меня здесь больше никто не ждёт. А мама? Она даже не подошла ко мне, когда я рыдал над телом единственного друга. В тот момент

во мне что-то окончательно умерло. Больше я не позволял себе никаких привязанностей.

Что делает загнанный в угол человек, которому больше нечего терять? Он идёт убивать. Когда я вернулся в школу, то, не дожидаясь нападения, сам нашёл своего основного врага – лидера группы. Я уже не помню его имени, все звали его Бритым, даже учителя. Я гнал его по тёмным коридорам как дикого зверя, его прихвостни разбегались, не смея встать на моем пути. Раздувая ноздри, я шёл на запах его страха, и нашёл в закрытом на ремонт туалете, спрятавшегося в одной из кабинок. Это была его ошибка, я притопил ублюдка прямо там, разбив ему голову об унитаз. Потом мне рассказывали, как меня долго не могли оттащить от его полуживого тела, которое я остервенело пинал. Два месяца, проведённых в холодном карцере на голодном пайке, показались мне вечностью, но запах крови и страха успел вскружить голову, и я рвался разделаться с остальными обидчиками. Впоследствии школа по обыкновению замяла этот скандал, как и многие другие.

В этой странной полушколе-полутюрьме, где на уроках вместе с учителями присутствовала вооружённая охрана, я провел несколько лет, прежде чем папаша забрал меня. К тому моменту, все мои чувства были выжжены дотла. Я стал таким, каким меня всегда хотел видеть отец: холодный, уверенный, сдержанный, собранный, целеустремлённый. И только встреча с Линой обнажила моё истинное уродливое

исковерканное нутро.

– Марк Рудольфович, вам надо на это взглянуть, – Вячеслав оторвал меня от размышлений. – Только что прислали из службы безопасности.

Он перебрал мне видеофайл, запись с внутренней камеры наблюдения, на котором Ангел, одетая лишь в мою рубашку, бросает вазу в окно, а потом катается по полу, сжавшись в комочек.

– Если вам интересно моё мнение, Марк Рудольфович, меня беспокоит её поведение, – говорит Вячеслав.

Я молча киваю, да, меня тоже оно беспокоит, похоже, её нельзя оставлять одну.

– Возьми Андрея и езжай за ней. Отвезите её в загородный дом. И пусть Макс с неё глаз не спускает. Если что, будет отвечать головой.

– Понял, – Слава уже развернулся на выход, как я окликнул его.

– Мне донесли, что в моем окружении завелся крот, пока не знаю, на кого он работает, но подозреваю, что на Левандовских. Если это так, то Ангелина может оказаться под ударом.

– Предлагаете использовать её как наживку? – предположил Вячеслав.

– Нет, – качаю головой, – усилить её охрану.

Не я один выслеживал Романова. Не я один посчитал его сестру той связующей ниточкой, что приведёт меня в итоге к

Дмитрию. И если Ангел попадёт в руки отморозенных братьев, даже мне страшно представить, что с ней станет.

Глава 15.

Я проснулась от того, что солнце залило своим светом всю комнату. Марка рядом не было, я не слышала, когда он ушёл. Приняв душ, я, за неимением ничего другого, накинула одну из его рубашек, найденных в гардеробной. В поисках своих вещей, вышла из комнаты. Как я и ожидала, мои джинсы, блузка, кардиган, нижнее белье, дорожкой растянулись от спальни до гостиной. Я вошла в гостиную с собранными вещами, и, сложив их на диван, приблизилась к окну. Моему взору открывался величественный город с высоты птичьего полёта. Опустив взгляд, я почувствовала, как внезапно закружилась голова, и пересохло в горле. Я сползла на пол, где прижавшись лбом к стеклу, как замороженная смотрела вниз.

«Скоро рассвет, выхода нет,

Ключ поверни и полетели!...

Выхода нет! Выхода нет!

Выхода нет! ВЫХОДА НЕТ!»

Эти строки известной песни ворвались в мозг и надрывом орали в моей голове на непрерывном повторе, пока я, дрожа, рассматривала мельтешащие точки на земле.

«Выхода нет! Полетели! Выхода нет!»

«Я все равно сделаю это! Я буду делать это снова и снова! Ты – мой наркотик, Лина!» – вспоминался страстный шёпот

Марка прошедшей ночью.

«Это ведь просто. Сделай шаг и все закончится! – вкрадчиво шептал внутренний голос. – Закрой глаза и сделай шаг!»

Голова шла кругом, стоя на коленях, я вцепилась ладонями в стекло.

– Нет!

«Давай, просто открой окно!»

Я разглядывала стеклянную стену, но никак не могла понять, как открыть её. Нет, я не собиралась прыгать вниз. Но, все же, как её открыть?

«Дима бросил тебя на растерзание! Он знает, что с тобой делает этот психопат, но не спешит спасать!»

– Нет, он придёт за мной! – вскрикиваю я, озираясь по сторонам. Увидев напольную вазу, зачем-то ползу к ней.

«Давай, разбей окно!» – схватив фарфоровое произведение искусства, бросаю его в цель. Ваза разбивается об стекло. Я наступаю на осколок, и боль приводит меня в чувство.

– Самоубийство – удел слабаков! – кричу я в окно.

«А кто ты? Разве не слабачка? Он делает с тобой все, что хочет!»

Кто-нибудь, заткните эту суку в моей голове!

– Потому что он сильнее! – я все ещё стою на коленях, упершись ладонями в пол, чувствуя под собой мелкие осколки.

«Какое жалкое оправдание! Нет, потому что ты слабая!»

Чувствуешь разницу?! Будь ты сильной, разве он посмел бы так поступать с тобой?!»

– А что я могу?! – кричу я, руками смахивая перед собой разбитый фарфор и падая на расчищенное место, свернувшись калачиком, прижав колени к груди.

«Вот именно, что ничего! Ты ничего не можешь! Твой удел раздвигать ноги и открывать рот по приказу! И делать это хорошо, чтоб хозяин не разозлился!»

– Прекрати! – затыкаю ладонями уши, сжимаясь ещё сильнее.

«Что, не нравится слышать правду?»

– Я ничего не могу сделать!

«Тогда вперёд! Сделай шаг! Слабая, никчемная девка!»

– Нет! Я не такая! – я не замечаю, что вовсю рыдаю.

«Так борись!»

– Как? Что мне делать?

«Для начала, поднимись уже с колен, чтоб увидеть что-то дальше его ширилки!»

Перекатившись, я села полубоком на пол, устремив взгляд за горизонт.

– Я не знаю, как сбежать, его дом хорошо охраняется. Я много думала, но так ничего и не придумала.

«Ты даже не пыталась! Ты только рисовала планы!»

– А если побег сорвётся? Что он со мной сделает?

«Вряд ли что-то новое!»

Я сидела на полу, обхватив колени, когда услышала, как

хлопнула входная дверь, и в квартиру вошли.

– Ангелина Витальевна, – я узнала голос самого преданного холуя моего мучителя. – Марк Рудольфович велел отвезти вас домой.

Повернув голову, я увидела того самого громилу, с которым "познакомилась" в самый первый вечер, и который протащил меня через половину дома, чтобы бросить к ногам Марка. Я не знала его имени и про себя так и называла: Громила. Надо же, теперь он обращается ко мне по имени-отчеству!

– Вы оденетесь или так поедете? – я внимательно прислушивалась, но не находила издевательских ноток в его голосе.

– Оденусь. Выйдите! Марку не понравится, что вы видите меня в таком виде! – я понятия не имею так это или нет, но громила вышел, оставив меня одну.

Громила спустился со мной на парковку, и усадил на заднее сиденье чёрного внедорожника. Сам сел рядом и велел водителю ехать. Почувствовав урчание в желудке, говорю:

– Я голодна, – я не ела несколько дней, и только сейчас почувствовала голод.

Громила не отреагировал. Зато водитель ответил:

– Можем взять что-нибудь по пути.

Я кивнула.

– Насчёт этого распоряжений не было, – отрезал Громила.

– Да ладно, Вячеслав Михайлович, это же недолго, пусть

девчонка поест, – примиряюще сказал водитель. – Куда она денется?

– Ладно, Андрей, но за едой сам сходишь, – нехотя согласился Вячеслав Михайлович.

– Без проблем! – ответил Андрей, оказавшийся молодым мужчиной лет тридцати. Он подмигнул мне в зеркало заднего вида, подруливая к какому-то кафе.

– Не заигрывай с ней! – резко осадил его Громила. – Иначе босс с тебя шкуру спустит.

– Да я по-дружески! – принялся оправдываться Андрей.

– По-дружески тоже нельзя!

– Yes, sir! – водитель шутливо отдал честь и выскочил из машины, заблокировав все двери.

– Слишком несерьёзный, долго он не продержится у Нейманна, – пробубнил под нос Громила.

Андрей отсутствовал минут двадцать, а когда вернулся, принёс мне кофе и сэндвич.

– Спасибо, – тихо поблагодарила его, принимая из рук его ношу.

– Не за что! – весело ответил он. И мы помчались прочь из Москвы. На этот раз без надетого на голову мешка.

Глава 16.

Андрей с Вячеславом Михайловичем привезли меня в загородный дом Марка, и тут же поспешили назад. Подходя к дому, я столкнулась с Максом.

– Привет! Давно тебя не было видно! – парень был рад

мне. – Я уж думал, что Нейманн отпустил тебя.

– А ты бы не хотел?

– Я не враг тебе, Ангелина.

– Как видишь, нет, не отпустил, – грустно улыбаюсь ему.

– Что он сделал с тобой? – Макс внезапно посерьёзnel, он внимательно вглядывался в моё лицо, считывая каждую эмоцию. И то, что он видел, ему не нравилось.

– Ничего, – отвечаю ему.

– Ничего?

– Ничего из того, что бы ты захотел знать, – мне стыдно. Мне очень стыдно за то, что Марк сотворил со мной, и за то, что я ему это позволила, но я похороню свои воспоминания в глубинах памяти.

Хочу обойти парня, но он не даёт. Хватает меня за локоть, притягивая к себе. На нас начали оборачиваться другие охранники.

– Что ты делаешь?! – шиплю я, вырывая руку из его цепкой хватки.

– Что он сделал с тобой? – медленно повторяет Макс, крепко удерживая возле себя.

– А то ты не знаешь, что он со мной делает! Вы все знаете, но молчите!

– Я... – начинает Макс, но его перебивает находящийся неподалёку охранник.

– Эй, ты что творишь?! Тебе босс голову открутит! Отпусти её сейчас же!

Парень нехотя разжимает пальцы, освобождая мой локоть.

– Иди, но мы ещё продолжим разговор, – шипит он сквозь зубы.

– Продолжишь разговор с Марком Рудольфовичем, – отвечаю ему. – Хочешь все знать? Спроси у него!

– Ангелина! – кричит он, когда я захожу в дом. Но я не оборачиваюсь.

Поднимаюсь в свою комнату, переодеваюсь в лёгкое платье, как любит Марк. Беру планшет, пытаюсь читать или посмотреть фильмы, но ни на чем не могу сосредоточиться.

Неужели Макс ревнует? Этого мне ещё не хватало! Или...

«А, может, именно этого тебе и не хватало!»

Спускаюсь на первый этаж, иду на кухню попить воды.

Могу ли я доверять ему? Одно дело рисковать собой, а другое ещё и Димой.

«Дима бросил тебя!»

Он один растил меня, учил со мной уроки, вытирал мне слезы, когда я плакала. Он хотел забрать меня, когда все началось!

«Но не забрал!»

Значит, не смог!

«А, может, не захотел?»

Нет, он бы не предал меня!

– Поговорим? – мои размышления прервал вновь появившийся Макс.

– Не хочу, – устало говорю я, оставляя стакан с водой, отхожу от стола, – реально не хочу.

Макс озирается по сторонам, и, видя, что никого нет, прижимает меня к стене и шепчет на ухо:

– Я тут подумал... Я наверно смог бы тебе помочь.

– Что? – не верю услышанному.

– Я хочу помочь тебе! Но Нейманн найдёт тебя везде! У тебя есть надёжное укрытие? – продолжает шептать Макс.

Да, там Дима...

– А что, если есть? – рискну спросить.

– Знаешь, как туда добраться?

– Нет, – только Дима знает.

– Нет? – Макс очень удивлён.

– Только мой брат знает.

– Можешь с ним связаться?

Вот оно! Мой шанс!

«Давай, попроси телефон!»

Но я медлю. Не знаю почему, но мне его готовность помочь кажется подозрительной. Наверно, я стала параноиком в плену у Марка.

– Ну же, Ангелина, неужели тебе не надоело здесь находиться? – Макс недоволен моей неуверенностью. – Неужели не хочешь снова стать свободной?

– Хочу, очень хочу!

«Боже, слабачка! Как приедет Марк, сразу иди делать ему глубокий королевский! Ни на что другое ты не способна!»

– А может, тебя все устраивает на самом деле? – парень резко отстраняется от меня, делая пару шагов назад. – Знаешь, что пишут в сети? Вот, смотри!

Он протягивает мне свой смартфон с открытыми новостями. Под нашей совместной фотографией на набережной было написано «известный бизнесмен показался на публике со своей избранницей...»

– Выглядите как влюбленные голубки! Может, ты пересмотрела свое отношение к нему? Богатый, известный... – Макс дёргается от моей пощечины. – С ним ты вряд ли такая смелая! – зло произносит он, потирая ушибленную щеку.

– Прости! – шепчу я, ударившая ладонь горела огнём, кажется, мне больнее, чем ему.

– Да что с тобой, Ангелина? Ты же мечтала сбежать отсюда, ты же меня просила помочь в нашу первую встречу. И вот, когда я готов сделать это, ты идёшь на попятную?!

– Не знаю... – я действительно не знаю. Вдруг это какая-то ловушка? И я приведу Нейманна к собственному брату?

Макс неожиданно очень тепло улыбается:

– Ты так похожа на Варьку, мою сестрёнку, она тоже твоего возраста. Тоже студентка. Страшно подумать, что она окажется в лапах богатого ублюдка, и рядом не окажется никого, кто бы мог помочь.

Его слова настолько проникают в меня, что я начинаю всхлипывать. Я ведь держусь из последних сил. Мне так не хватает обычного человеческого сочувствия. Просто ко-

го-нибудь, кто скажет «эй, всё будет хорошо!», даже если это окажется ложью.

– Ты поэтому решил мне помочь?

Парень улыбаясь качает головой.

– Не только, – шепчет он. Протягивает руку и нежно гладит меня по щеке.

– Как мы сделаем это? – спрашиваю его.

– Мы что-нибудь придумаем. Я служил в спецназе по контракту, остался после срочки, мне не впервой проводить спецоперацию.

Он продолжает поглаживать меня по лицу, медленно придвигаясь ко мне. Я как замороженная смотрю в его глаза, светящиеся добротой. Почему я не замечала этого раньше? Почему так долго отталкивала его дружбу?

Глава 17.

– Отошёл от неё! – повторяет громила, и Макс послушно отступает на несколько шагов. – С тобой ещё будет разговор, а вы, – мужчина обращается ко мне, – идите к Марку Рудольфовичу. Он в кабинете.

Чёрт! Что теперь будет?! Когда он успел вернуться?! С колотящимся сердцем я направилась к Марку. За спиной я слышала, как Макс пытается оправдаться, но громила затыкает его.

Мой мучитель как обычно сидит за столом и что-то сосредоточенно рассматривает в своём смартфоне. На лбу залегла глубокая складка, и мужчина выглядел чем-то озабоченным.

Увидев меня, он кивает, чтоб проходила и хлопает по столу перед собой:

– Садись.

Я послушно сажусь на край, а он ставит мои ноги на подлокотники своего кресла и проводит по ним руками. Его задумчивый взгляд внимательно изучает моё лицо.

– Лина, зачем ты разбила вазу? – задаёт он неожиданный вопрос.

Черт! Я же даже не убрала осколки! Я в замешательстве, не знаю что ответить, как рыба ловлю ртом воздух.

– Только не говори, что она тебе не понравилась.

– Прости... Я... Я выплачу... Сколько она стоит? – наконец, отвечаю я.

Марк усмехается, продолжая поглаживать мои ноги, не сводя внимательного взгляда с моего лица.

– Это аукционная вещь. С чего выплачивать будешь? Со стипендии? Ах, Лина-Лина, – покачал он головой, – от тебя мне деньги не нужны. Мне нужно, чтоб ты ответила, почему ты её разбила?

– Я... Нечаянно.

– Нечаянно бросила в окно? Ты ведь не вазу пыталась разбить, верно?

Опускаю голову под его внимательным взглядом, он все знает, отпираться бесполезно.

– Откуда ты...?

– Камеры, – коротко и лаконично.

Камеры... Я не подумала об этом. Смотрю в пол и молчу, вцепившись пальцами в край стола, мне нечего ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.